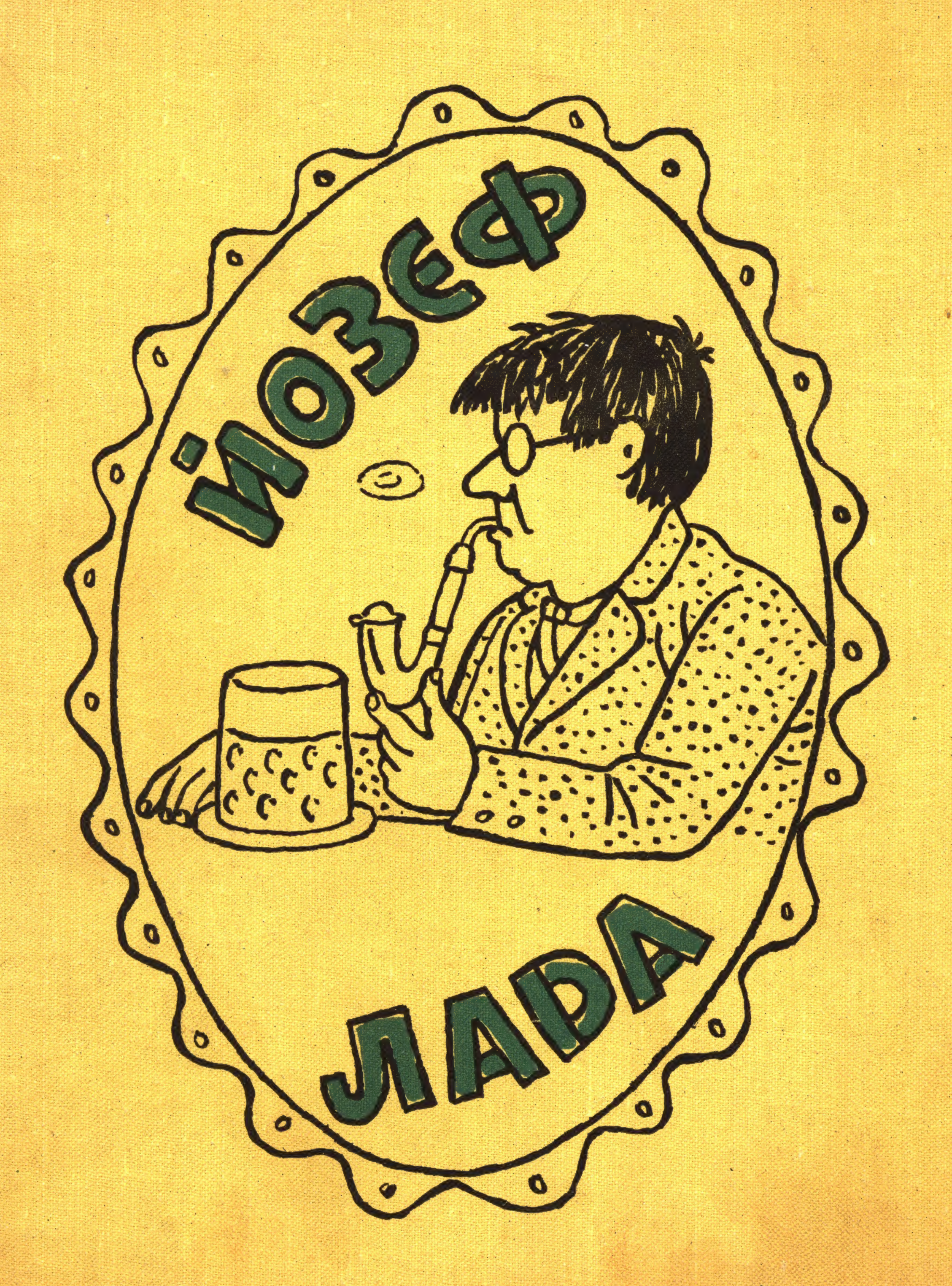
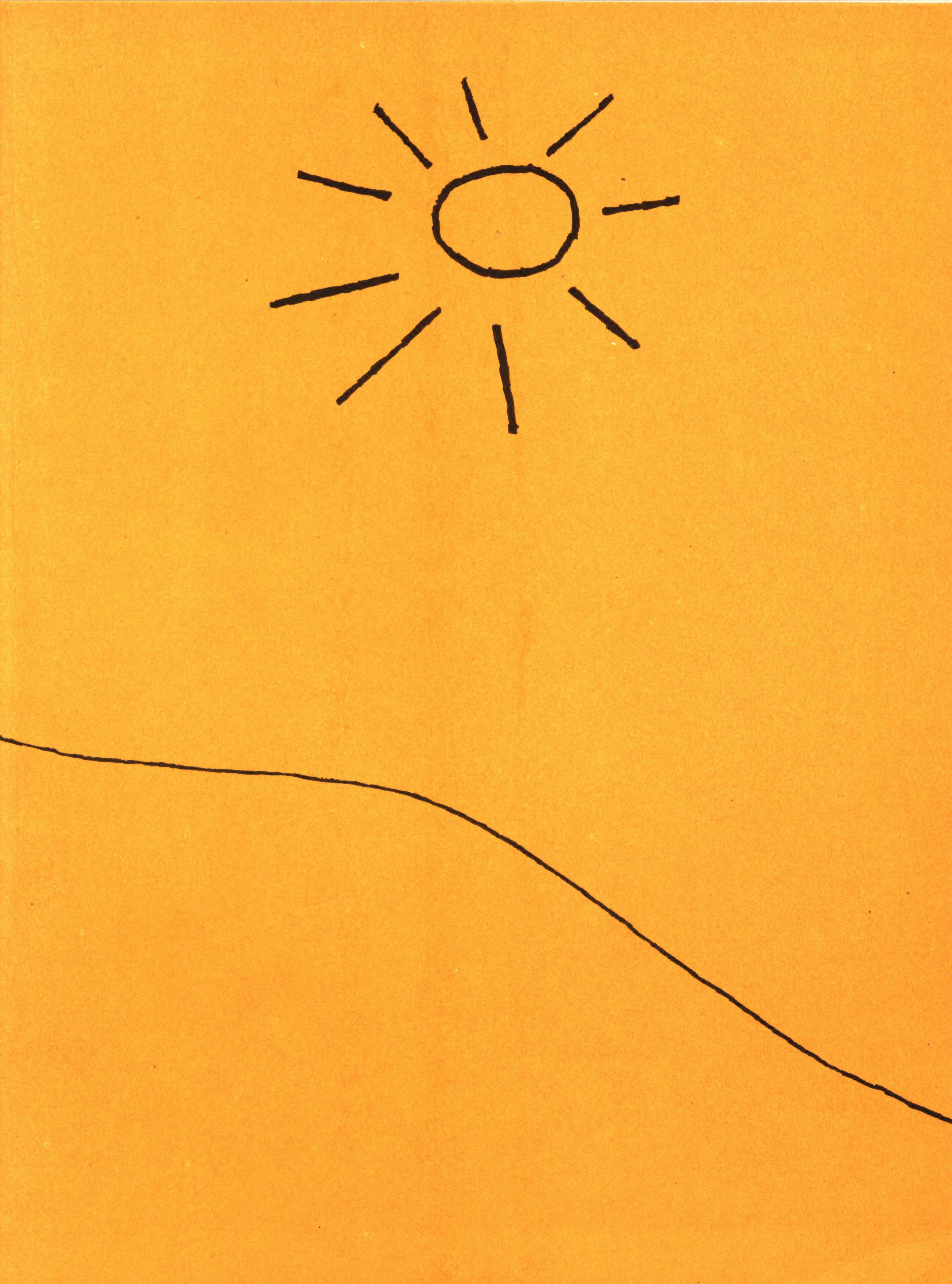
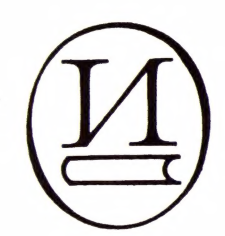
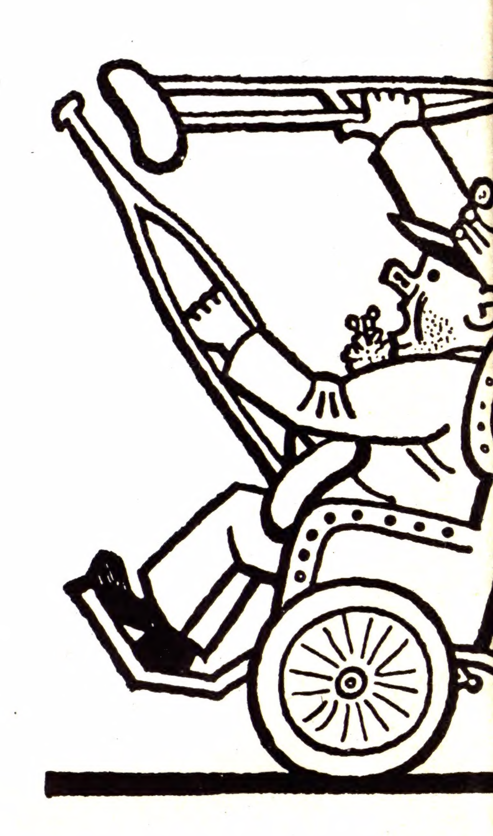

ЙОЗЕФ
ЛАДА

ЙОЗЕФ ЛАДА

КНИГА О ХУДОЖНИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1971

Йозеф Лада — знаменитый иллюстратор «Похождений бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека пользуется всемирной известностью. По праву его называют «вторым отцом» Швейка. Литературные и графические образы героев этого произведения дополнили друг друга и слились воедино — в синтетическое представление о мудрой лукавости, о неистощимом остроумии чешского народа. Может быть, художнику было бы трудно так вжиться в героев Гашека, столь одухотворить их, если бы оба они не были людьми одного поколения, духовно очень близкими друг другу.

Популярность Ладе принесли и иллюстрированные им детские книги. В Чехословакии редко можно встретить человека, у которого при упоминании об этом художнике не возникали бы воспоминания детства и юности. Здесь любят веселые книжки с картинками, нарядные и забавные, смешные и серьезные, украшенные рисунками Лады.

Деятельность мастера многогранна. Сотрудничая во многих юмористических и сатирических журналах, он исполнил огромное количество карикатур. Художник работал в области станковой графики. Им создавались декорации к театральным постановкам. По рисункам Лады известный чешский художник и режиссер кукольного театра Трнка делал куклы. Лада принимал участие в создании рисованных мультипликационных фильмов для детей.

Достаточно известен Лада и как писатель. Он написал автобиографическую повесть «Хроника моей жизни». Художник сочинял сказки, побасенки и припевки, которые сам иллюстрировал. В Советском Союзе изданы некоторые литературные произведения Лады: «О хитрой кумелисе», «Озорные сказки» и другие.

Настоящая книга, основу которой составляет альбом иллюстраций, знакомит читателя с разносторонней деятельностью замечательного чешского художника.

Во вступительной статье прослеживается творческий путь мастера, характеризуются основные особенности его искусства. Приложением даются главы автобиографической повести Лады «Хроника моей жизни»: высказывания художника по вопросам искусства («Книги для детей», «О чешском юморе»), а также написанные в увлекательной литературной форме воспоминания о Я. Гашеке, дополненные отрывком из статьи Лады «Как я иллюстрировал Швейка». Эти материалы, за малым исключением, впервые публикуются в русском переводе.

Йозеф Лада родился в 1887 году в селе Грусицы, расположенном в тридцати пяти — сорока километрах от Праги. Здесь он провел свое раннее детство. Селение было небольшим, затерявшимся среди лугов, полей и перелесков. Природа привлекала своим разнообразием, богатством форм и красок. Рядом с домом Лады протекала тихая речка Сазава; на холме, господствуя над поселком, возвышался старинный костел со стройной, видной издалека колокольней. За его оградой находилось кладбище.

В дальнейшем в рисунках и акварелях Лады очень часто будут встречаться его родные места: заснувшая под пеленою снега деревенька с костелом на пригорке, грядою леса за ним и изредка мелькающими оконцами светлиц на первом плане. Времена года чередуются: снежный покров сменится яркой весенней зеленью лугов, радостно раскроются навстречу солнцу пестрые чашечки цветов, но контуры пейзажа останутся теми же. Навсегда запечатлелись в памяти художника силуэт церкви, окруженной тополями, маленькие, как будто смотрящие друг на друга домики, родная изба...

Здесь, в дружной семье грусицкого сапожника, прошло детство Лады. Он был четвертым, младшим сыном. Болезненный, но обладавший веселым нравом отец с раннего утра до позднего вечера занимался своим ремеслом. Мать, простая трудолюбивая женщина, была наделена поэтическим даром. Она часто рассказывала сыну чудесные народные сказки.

В семье жили скромно, но сытно. Мальчишкой Ладе приходилось помогать в работе по дому: колоть дрова, поливать сад, пасти коров и гусей, исполнять поручения отца; но все это было скорее забавой, чем трудом.

Его постоянно окружал мир природы. «В детстве, вспоминает художник, меня очаровывало и удивляло все, что я встречал, что видел за окном: дерево, усыпанное белыми цветами, потом плодами, а зимой голое, в снежных сугробах...»[1]

Ребенку окружающие его предметы кажутся красивее и таинственнее, чем взрослому человеку. «В зрелом возрасте, — пишет Лада, — человек тоже видит красоту природы, но уже не хватает ему прежней детской заинтересованности. Любуюсь опушкой леса поздней осенью и думаю: как красивы золотой и червонный цвета! Какую чудесную гармонию составляют они с зеленым! Но если вспомнишь, как в детстве пробегал мимо этих мест, только тогда поймешь, насколько острее были ощущения, усиленные первыми детскими впечатлениями. Лишь тогда по-настоящему чувствуешь и холодный аромат еловой хвои, и запах тлеющих листьев, видишь, как со всех сторон проступает голубоватая мгла, и слышишь тихий щебет готовящихся к зиме пташек».[2]

Вспоминая о своей родне и соседях, о людях своей деревни, об их характерах, Лада писал: «Каких только типов здесь не было! Многих из этих людей, давно уже умерших, я снова вернул миру в моих рисунках... Каждый был отлит в иную форму, резан из другого дерева: один из твердого граба, другой — из

---

[1] J. Lada. Kronika mého života. Praha, 1960, стр. 31.

[2] Там же, стр. 140.

суковатого можжевельника, третий — из благородной липы. И все полны жизни и разнообразия».[1] «Соседи приходили и говорили о разном, о разбойниках... о привидениях, которые пугали людей в лесах, на лугах, в домах и даже не исчезали от заклинаний. Все эти разговоры я прямо глотал...»[2]

Многое представлялось детской фантазии резче, ярче, чем было на самом деле. Образы запали в сознание на долгие годы, на всю жизнь. Они-то и питали так щедро дальнейшее творчество мастера.

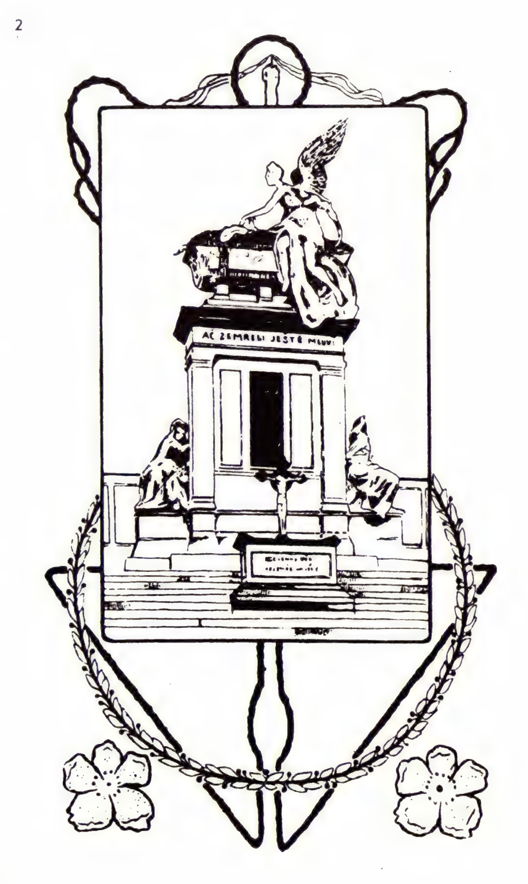
Никто из домашних не пробуждал у мальчика интереса к рисованию, но любовь к искусству проявилась у него рано. «Помню, что начал рисовать еще до школы, — вспоминает художник, — из-за отсутствия бумаги рисовал на полях газет, на кухонном столе, на любой бумажке... изображал избы, дом, костел, а потом и всю деревню...»[3] За рисунки давали кусок хлеба, иногда и деньги, на которые покупались бумага и тушь. Чаще всего рисовал простым карандашом, потом отец купил цветные. «Первые цветные картинки, которые я увидел в детстве, — говорит Лада, — были игральные карты. Они понравились мне красочной нарядностью, разнообразием изображения фигур и животных».[4]

Судьба Лады сложилась так, что он не получил законченного художественного образования. Все созданное им следует отнести за счет таланта, упорного труда, необыкновенной наблюдательности и большого жизненного опыта.

К четырнадцати годам юноша закончил грусицкую школу и в 1901 году семья отправила его в Прагу обучаться ремеслу. Зная о склонности сына к рисованию, отец отдал его в учение к человеку, который одинаково ловко умел покрывать

1

2

---

[1] J. Lada. Kronika mého života. Praha, 1960, стр. 42.

[2] Там же, стр. 31.

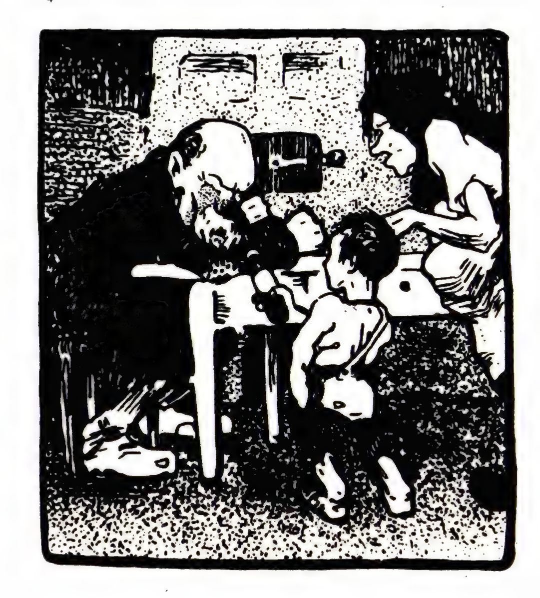
[3] Там же, стр. 133.

[4] Там же, стр. 135.

3

4

краской и театральные задники, и стены жилых комнат, украшая их нарядными, выполненными по трафарету орнаментами. Йозеф был у своего хозяина мальчиком на побегушках. Нелегко ему было без поддержки в большом городе, вне знакомого окружения. Он чувствовал себя здесь, как птица в клетке. Через месяц Лада сбежал от своего учителя. После вторичного возвращения в Прагу в 1902 году он устроился на работу учеником переплетчика и больше уже не покидал столицы.

Юноше Ладе пришлось пройти через ремесленное ученичество. Он был пятым помощником у своего хозяина, прислуживал по хозяйству жене мастера, был на побегушках. Будущий художник постепенно осваивал несложные «тайны» переплетного дела, учился золочению букв на обложках и корешках.

Ежедневно имея дело с книгами и журналами, он все больше вникает в специфику книжного оформления, начинает коллекционировать обложки книг, воспроизведения с рисунков известных чешских художников-графиков. Особенно привлекают юношу произведения Микулаша Алеша, значение которого в развитии национальной книжной иллюстрации очень велико. Календари с картинками художника, его иллюстрации к народным песням («Шпаличек») были широко распространены. Большое впечатление на Ладу производят и работы Адольфа Кашпара — популярного в стране акварелиста и рисовальщика, иллюстратора знаменитой «Бабушки» Божены Немцовой.

В мастерской переплетчика Лада имел широкую возможность знакомиться не только с чешскими, но и многочисленными иностранными периодическими изданиями.

Больше всего юношу привлекали богато иллюстрированные юмористические и сатирические немецкие и французские журналы. Это были издававшиеся в Мюнхене «Флигенде блеттер», «Симплицис-

симус», «Югенд», в Париже — «Ассьет о бер», «Ле рир», «Журналь амюзан» и другие. Ведущую роль среди них играли журналы с ярко выраженной прогрессивной общественно-политической направленностью. Наиболее радикальными, насыщенными боевым духом были немецкие «Симплициссимус» и французский «Ассьет о бер». Журнал «Симплициссимус» стал совершенно особым явлением немецкой общественной мысли и художественной культуры. На его страницах такие замечательные графики, как Т. Т. Гейне, П. Пауль, О. Гульбрансон разоблачали юнкерскую Германию. Французский ежемесячник «Ассьет о бер» был также широко известен в ту пору актуальной направленностью. Здесь печатали свои работы, насыщенные острым общественным содержанием, Т. Стейнлен, Ж.-Л. Форен, Ф. Ропс, чехи Ф. Купка, В. Градецки и другие.

Юноша начинает копировать рисунки из немецких, французских, английских журналов и книг, а также рисует с натуры и по памяти. На небольшой художественной выставке работ учеников переплетных мастерских он даже получает первую премию.

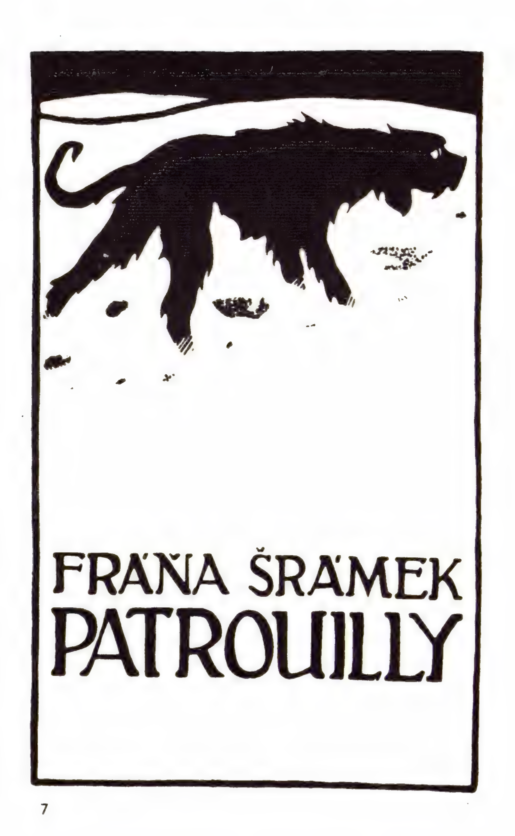
У Лады возникает желание испробовать свои силы в рисунках для иллюстрированных еженедельников. Робкий и застенчивый семнадцатилетний паренек впервые принес в редакцию журнала «Май» две свои работы. Это были зарисовки недавно возведенного памятника «Славин» и старинной часовни св. Мартина на Пражском Вышеграде. К великой радости и удивлению Лады, журнал опубликовал рисунки. «Встреча с журналом «Май» вселила в меня уверенность», — вспоминает художник. С тех пор ученик переплетчика стал довольно часто помещать свои работы в различных периодических изданиях, преимущественно юмористического или сатирического характера. Рисунки приносили первые гонорары, их публикация удовлетворяла юноше-

5

6

7

ское самолюбие, а главное — внушала веру в свои силы. Правда, Лада чувствовал, что ему не хватает профессионального умения, школы.

Росло и укреплялось желание юноши получить специальное художественное образование. Но работать и учиться, да еще платить за учение он не мог. К тому же, чтобы поступить в училище, необходима была достаточная подготовка.

Осенью 1904 года Лада был зачислен на вечерние курсы рисования под руководством профессора Якеша при художественно-промышленном училище. Здесь он занимается преимущественно изучением натуры, рисует гипсовые головы и фигуры, а также делает этюды с живой модели. Потребовалось два года учебы на этих курсах для того, чтобы в 1906 году юноша смог наконец выдержать экзамен и поступить в училище. Однако работать в переплетной мастерской Йозеф Лада продолжает — не хватает средств к существованию, денег на материалы.

Поступление в художественно-промышленное училище лишало Ладу возможности печатать рисунки под своим именем: ученикам это было запрещено. Приходилось менять манеру, прибегать к псевдонимам. Так, например, в сатирическом еженедельнике «Светилна», в редакции которого Лада познакомился и сдружился с поэтом и драматургом Иржи Магеном, он выступал под псевдонимами Горки, Грегор, Конечны, Роднер. Художник по-прежнему направляет свои работы в различные чешские иллюстрированные еженедельники. Их охотно печатают в журналах: «Новины младеже», «Чудас», «Шванда дудак» («Потешный волынщик»), «Беседа малых», «Неруда», «Светилна» и других.

И все же постоянная необеспеченность и необходимость прирабатывать для платы за обучение помешали Ладе завершить учебу. В 1907 году он бросает занятия. Оставляет Лада и переплетную мастерскую, целиком посвящая себя искусству.

С 1908 — 1910 годов рисунки его начинают печатать и венский «Мушкет», и старый туринский сатирический «Паскуино»; он сотрудничает в редакциях журналов «Шванда дудак», «Весела Прага», «Рашпиль» и других.

В эти годы Лада сближается со многими чешскими писателями: Я. Гашеком, Э. Шпатным, Э. Лонгеном, И. Магеном, З. Кудеем, К. Ванеком, А. Сташеком, художниками-графиками: В. Бруннером, К. Виком, З. Кратохвилом и другими.

Своеобразными художественными клубами в ту пору были некоторые кафе, в частности кафе «Унион», в котором, по воспоминаниям одного из современников, «встречались люди самого различного толка, диаметрально противоположных интересов. Здесь зарождались и прекращали свое существование журналы и обозрения, возникали самые разнообразные

культурные начинания, основывались общества и рождались художественные группировки. Здесь читали, спорили, проказничали, причем главную роль играла молодежь». Среди завсегдатаев этого литературного кафе был и Лада.

Предвоенное поколение чешской художественной и литературной молодежи отнюдь не было однородным. Но при всем различии политических и творческих позиций отдельных художников и писателей их объединяло, как это справедливо подчеркивает исследователь творчества Я. Гашека С. Востокова,[1] решительное неприятие сложившихся форм жизни в условиях реакционного режима Австро-Венгерской монархии, бунтарские, протестующие настроения, окрепшие в непрерывных национальных и социальных конфликтах, свидетелями и участниками которых они были с детских лет.

Чертами индивидуалистического анархического бунта против буржуазного мещанства, политическим радикализмом (не без оттенка богемности, стремления эпатировать обывателя) были отмечены и первые творческие шаги той талантливой группы, к которой принадлежал Лада. В нее входили уже упоминавшиеся выше художники В. Бруннер, Ф. Кисела, карикатурист З. Кратохвил, писатели Я. Гашек и Э. Басс. Все они были людьми одаренными, ярко индивидуальными. Э. Басс, например, был чрезвычайно разносторонним человеком, талантливым новеллистом, автором остроумных юморесок. Отличный организатор, он превратил простое студенческое кабаре «Червена седма» (Семерка червей) в неплохой театральный ансамбль с политически заостренным, злободневным и своеобразным репертуаром.

Басс же привлек своих друзей к активному участию в сатирическом листке «Летаки» (Летучки), который начал выпускать в 1910 году.

[1] С. Востокова. Я. Гашек. М., 1964.

8

9

10

11

Примерно в это время в Чехии возникло несколько новых сатирических журналов. С 1909 года в Праге стал выходить журнал «Карикатуры». Возможно, что его название было заимствовано у прославленного французского журнала издателя Филиппона, в котором так блестяще выступал Домье со своими шаржами на Луи-Филиппа. Пражский журнал, подобно французскому, стремился к отражению острых социальных проблем. Его душой и фактическим руководителем стал тогда еще совсем молодой Йозеф Лада. Он осуществлял художественное редактирование журнала, рисовал много и сам. В журнале принимали участие лучшие революционно настроенные писатели-сатирики: Франтишек Шрамек, Франтишек Гельнер, Йозеф Маха и, в первую очередь, Ярослав Гашек. Именно журнал «Карикатуры» чрезвычайно сблизил будущего автора Швейка с Ладой.

Вот что рассказал художник о своем знакомстве с Гашеком. «Я знал о нем задолго до того, как мы с ним встретились. Я очень любил его рассказы и фельетоны, всегда хохотал над ними и, помнится, пытался их иллюстрировать, так, для себя... Ну, а по-настоящему мы познакомились с ним уже позже. Я спустился в типографию журнала, где печатались мои рисунки, и вижу — входит маленький, румяный, круглоголовый человек с веселым открытым лицом и просит дать ему какие-то гранки. Метранпаж, а он был сердитый человек, ни перед кем спину не гнул — вдруг сам побежал за корректурой и отдал ее незнакомцу, раскланиваясь и улыбаясь. Я удивился: кто это? Мне ответили: Как? Вы не знаете? Это же пан Гашек. Мы и познакомились. Это был чудесный человек. Там, где он находился, всегда слышался смех».[1]

Знакомство перешло в дружбу. Импульсивная натура Гашека, всегда полного

[1] Б. Полевой. В гостях у Лады. «Огонек», 1956, № 3, стр. 16.

новыми идеями, его блестящий дар сатирика-юмориста не мог не оказывать влияния на окружающих, тем более на впечатлительного молодого Ладу. Начинающий график входит в среду писателей и художников, сотрудничавших в многочисленных сатирических и юмористических газетах и журналах. В тесном контакте с лучшими представителями сатирического жанра в литературе и изобразительном искусстве постепенно развивалось и совершенствовалось искусство Лады.

В 1912 году он становится постоянным сотрудником недавно основанного еженедельника «Копршивы» (Крапива). Позже участвует в известном сатирическом листке «Шибенички» (Шутки висельника), организованном Эдуардом Бассом, где помещали также рисунки многие выдающиеся карикатуристы: строгий и ироничный В. Бруннер, злой З. Кратохвил, веселый Г. Беттингер, лиричный В. Рада и другие.

В дальнейшем, в 20 — 30-е годы, Лада постоянно работает над отдельными юмористическими рисунками и целыми сериями в таких изданиях, как «Ческе слово», «Вечерне ческе слово», издававшихся в Брно «Лидових новинах» и особенно в иллюстрированном еженедельном приложении к «Ческему слову», выходившему под заголовком «Квитэк з чертови заградки» (Цветок из чертова садика).

Активное сотрудничество Лады в юмористических чешских журналах продолжалось вплоть до второй мировой войны. Какова же была эволюция художественной манеры графика, что отличало его почерк от других, работавших вместе с ним карикатуристов?

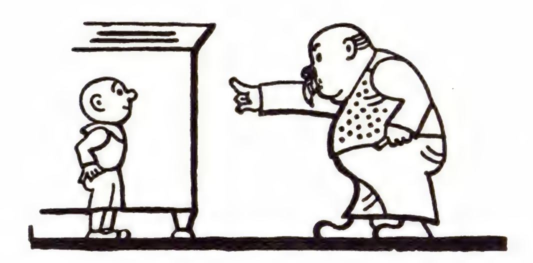
Уже первые журнальные рисунки Лады, исполненные в возрасте семнадцати — восемнадцати лет, хотя и не отличаются самостоятельностью, но свидетельствуют о наблюдательности и стремлении к правдивой передаче увиденного. Просматривая эти работы, можно ясно ощутить влияние тех художников, которыми он увле-

12

13

14

15

кался. Так, например, в подчеркнутом бытовизме подачи сюжета, в гротескности образов («Опасный нос», 1905) проявляется влияние крупного мастера европейской карикатуры Г. Цилле. Настроение грустного одиночества, которое ощущается в иных листах («Загородная прогулка», 1905), заставляет вспомнить работы Т. Стейнлена. Иногда узнается сдержанная манера рисунков чешского графика Ф. Гельнера или узорчатая графика О. Бердслея.

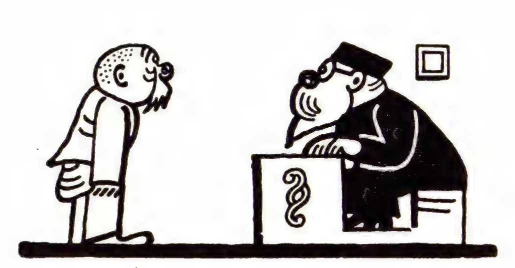
Постепенно, начиная с 20-х годов, работы Лады обретают большую самостоятельность. Преодолевается первоначальное обилие подробностей, рисунок становится все лаконичнее и смелее, проще и четче. После окончания первой мировой войны, работая для периодического листка «Шибенички», сотрудничая в солидной газете «Ческе слово» и особенно в иллюстрированном приложении этой газеты, Лада исполняет множество политических и бытовых карикатур, отличающихся уже неповторимой индивидуальной манерой, тем художественным видением, которое было подсказано его добрым сердцем и добрым характером, несомненным патриотизмом, человеческим опытом, подлинным знанием природы, окружающей действительности, простотой и оптимизмом, повседневностью, жизненностью сюжетов и добродушным искрящимся остроумием.

Складывающийся изобразительный почерк художника чрезвычайно прост и своеобразен.

Йозеф Лада создатель своего собственного и одновременно национального стиля.

Графический стиль Лады в журнальном рисунке 20—30-х годов становится предельно выразительным. Он работает в плоскостной манере, без светотеневой проработки формы. В большинстве рисунков четкая упругая линия, то тонкая, то более утолщенная, замыкает каждую фигуру. Лаконичный и жесткий контур передает динамику и характер персонажей. Автор шаржирует пропорции фигур, их жесты, мимику.

16

17

18

19

Нередко, стремясь в своих карикатурах иносказательно передать смысл того или иного явления, Лада обращался к изображению животных. Рисунки такого рода, публиковавшиеся в журналах, вышли отдельным изданием под названием «Война вкратце» в 1918 году.

Журнальные рисунки художника в пражских периодических изданиях 20—30-х годов — это своеобразная бытовая хроника чешской жизни, освещенная то добродушной улыбкой, то хитроватой усмешкой художника, но всегда согретая большим человеческим теплом. Позже они были изданы в сборниках: «Иллюстрированная фразеология и поговорки» и «Веселые рисунки Лады».

Другой сферой деятельности Лады была иллюстрация к детской книге.

Первой работой Лады в области иллюстрирования детской книги явились рисунки для сказки «О Гонзичке и златовласой Изоле» писателя Ярослава Гавличка, сотрудничавшего в журнале «Беседа малых». Книга была выпущена в 1906 году издателем Я. Рокитой в качестве рождественского подарка читателям. На фоне выпускавшихся в то время изданий для детей, в которых текст сопровождался малохудожественными картинками, книга в заботливо выполненном оформлении Лады и иллюстрированная им заметно выделялась. Иллюстрации девятнадцатилетнего художника свидетельствовали как о знакомстве его со всеми современными приемами графического оформления книг, так и о вкусе начинающего графика, его композиционном и декоративном даре. Сказка «О Гонзичке и златовласой Изоле», оформленная Ладой, снискала похвалу печати. Обозреватель газеты «Народни обзор» отметил положительные качества ее иллюстраций.

Индивидуальный почерк, оригинальный стиль Лады проявился в одной из последующих детских книг, которую сам художник и составил. Это была «Моя азбука», появившаяся в свет в 1911 году.

Исполняя обложку, титульный лист и иллюстрации, Лада пытался достичь художественного единства всех компонентов графического оформления книги.

20

21

22

23

В книжке «Моя азбука» представлены картинки на мотивы приведенных здесь же стихотворных присказок, начинавшихся на все буквы чешского алфавита от А до Z. Художник стремился наиболее доходчиво передать в них смысл каждого стишка. Так, в качестве иллюстрации немудреной присказки, начинающейся буквой Б, о том, что:

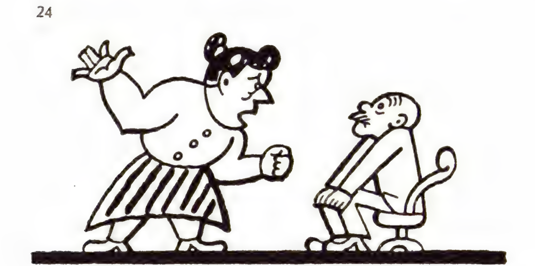
Бабка торговала,
яблоки продавала,
за дырявый грош
продала их кош —

Лада рисует старушку, продающую яблоки босоногому мальчишке. Незамысловатая сценка поражает жизненной убедительностью. Художник точно передает позы, жесты, мимику. Фигуры плоскостны, локально окрашены в яркие цвета. Основная роль в характеристике образов отводится контурному рисунку. Удачно найденные художником персонажи в дальнейшем нередко будут переходить из одной детской книги в другую. Так эта старушка стала действующим лицом многих ладовских иллюстраций.

Азбука еще при жизни художника выдержала десять изданий, став одной из классических настольных книг нескольких поколений чешских ребятишек.

Вскоре после «Моей азбуки» вышла одна из наиболее популярных детских чешских книг под названием «Каламайка». В ней собраны народные считалки, прибаутки и присказки, обработанные самим художником совместно с Я. Гашеком. Текст сопровождался цветными картинками, изображающими представителей самых разных ремесел: пекаря, маляра, часовщика, сапожника, трубочиста и других. Художник сумел выявить в каждом персонаже то, что характерно для его профессии, подчеркнуть определенные жесты, манеру держаться и т. п. Художник не останавливается перед гротеском, откровенной деформацией фигур, но лишь для того, чтобы наиболее полно раскрыть образ. Выполненные Ладой для «Каламайки» обложка с рисунком и рисованным шрифтом, титульный лист с цветной картинкой и раскрашенные иллюстрации решены в художественном

24

25

26

27

единстве. Их освещает добрая задорная улыбка художника.

Говоря об изданиях для детей (впрочем, в полной мере это относится и к книгам для взрослых), необходимо отметить, что Ладе всегда были ближе те, которые отражали народные представления, народную мудрость — сборники пословиц, поговорок, песенок, считалок и тому подобное.

К началу 20-х годов уже вполне сложился определенный ладовский почерк, график работает необычайно интенсивно: в свет выходят одна за другой иллюстрированные им детские книги.

Из наиболее широко известных оформленных Ладой книг для младшего возраста назовем бесчисленное количество раз выходившие и издающиеся до настоящего времени: «Считалки», «Мир животных», «Веселое природоведение», а также сказки Эрбена, Немцовой, Фолтына, Горака, Грубина. Для малышей предназначались и такие очень распространенные в Чехословакии книги, оформленные художником, как: «Волчья свадьба», «Сказка о золотой мушке», «Веселые картинки», «Кряканье нашей утки», «Побасенки нашего Кадла» и многие другие.

В иллюстрациях Лады всегда присутствует юмор. Художник добродушно подсмеивается над изображенными героями, но и любуется ими. Создается то особое «ладовское» настроение, которое лучше всего определить любимой чешской пословицей художника, гласящей, что «веселое расположение духа—половина здоровья». Непритязательно шутливы его «считалки» с забавными, выполненными в несколько упрощенной манере картинками, каждая из которых заключена в рамку и воспринимается как декоративное панно, напоминая одновременно и цветную керамику, и пестрый витраж.

Несомненно, что Лада в своем творчестве развивает традиции художественного ремесла чешских умельцев. Достаточно вспомнить народную резьбу по дереву, изысканные вышивки, роспись на гончарных изделиях, мебели, стенах изб, чтобы почувствовать, насколько близки произведениям народного искусства ра-

28

29

Muzikanti.

Muzikanti, co děláte,
máte inštrumenty a nehráte?
Zahrajte mi na tu basu,
rozveselte všecku chasu.

30

31

боты художника и по общему духу, и по манере выражения.

При иллюстрировании детских книг Лада очень часто прибегает к ранее уже использованному им в карикатуре приему очеловечивания животных. Хотя этот прием далеко не нов, Лада умеет всегда оставаться оригинальным, ни у кого ничего не заимствуя. Ладе чужда подробная, бытовая описательность, его никогда не привлекало мелочное перечисление деталей. Для художника важно схватить характер движения животного, передать силуэт, иногда остро шаржируя его фигуру. Его четвероногие умеют смеяться и плакать, радоваться и сердиться, по-человечески разговаривать, приветствовать, поучать, высмеивать друг друга, сражаться, читать и тому подобное. Особенно удавшимися по остроте образных характеристик зверюшек, воплощающих в себе те или иные черты характера человека, можно считать иллюстрации к Эзопу, К. Эрбену, Ф. Грубину и собственным сочинениям художника.

Художник хорошо знает, какое огромное эмоциональное воздействие на детское восприятие оказывает красочность, нарядность книги — да, впрочем, и не только на детское. Поэтому выполненные им иллюстрации книжек для самых маленьких всегда имеют сочную, насыщенную раскраску, построенную на противопоставлении нескольких основных цветов: синего, красного, желтого, зеленого, белого, черного.

Книги для детей среднего и старшего возраста получают более сдержанное оформление. Из них уходит яркая красочность. Всего несколько иллюстраций в виде цветных или черно-белых вклеек, а также заставки и концовки тактично сопровождают текст. В них значительно бо́льшее место художник уделяет передаче многообразия человеческих характеров, изображению пейзажа, интерьера. Действие сцены нередко развивается в глубину плоскости листа. Излюбленными

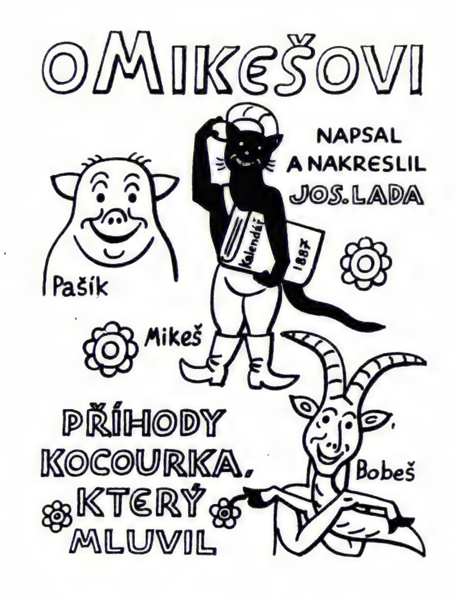
авторами Лады и здесь остаются те, которые ближе к фольклору.

В сотрудничестве с писателями — Грубиным и Фолтыном, собирателями песен, сказок и других образцов народного творчества — К. Плицкой и Ф. Вольфом, а подчас, как уже говорилось, и совершенно самостоятельно Лада стал обрабатывать тексты простых и веселых песенок и присказок. В дальнейшем из этого материала неоднократно составлялись подборки для отдельных изданий. Таким. например, является сборник «Йозеф Лада — детям» под редакцией Павличка и самого автора (к 1956 году он выдержал в Чехословакии пять переизданий).

В 20-е годы Лада признан выдающимся иллюстратором детской книги. Как уже упоминалось, в эту пору он активно сотрудничает и в нескольких юмористических иллюстрированных журналах. К 1920-му же году относится и первое успешное выступление художника на выставке рисунков журнала «Шибенички». Выставка была устроена по инициативе общества «Голлар», названного так в память об известном чешском гравере XVII столетия Винценте Голларе. Многие из представленных Ладой рисунков были куплены Галереей современного искусства. Это свидетельствовало о несомненном успехе мастера.

После выставки 1920 года художник выставлялся уже регулярно. В 1926 году Лада показал свои произведения на персональной выставке в зале «Манеса» в Праге. Она имела огромный успех и потом демонстрировалась в Мюнхене и в Берлине. С этого времени художник постоянно принимает участие в различных международных выставках детской книги — в Женеве (1930), в Венеции и Риме (1934) и в других странах мира. Иллюстрации Лады становятся широко известными.

К 1930-м годам Лада выступает еще и в новой роли — роли детского писателя. Нет ничего удивительного в том. что

32

33

34

35

36

у него появилось желание самому писать. Вот что об этом рассказал сам художник: «Писателем я стал не из стремления к литературной славе. Писать меня заставили обстоятельства. Дочери часто спрашивали, что я делал, когда был маленьким. Я рассказывал им о том, как играл отцовскими сапожными колодками, катался зимой на коньках и санках, пас летом коров, и о разных проделках. Говорил я им о своем детстве много, но каждый раз они просили, чтобы я продолжил свое повествование. Мне не оставалось ничего другого, как начать выдумывать новые истории».[1] Таким образом была создана история о коте Микеше. Об этом случайно узнал редактор журнала «Радость» Крх и попросил художника записать повествование для своего издания. В дальнейшем оно вышло в виде отдельной книги. История о Микеше настолько заинтересовала чешскую детвору, что автор продолжил ее. Так, в 1934 — 1936 годах появились четыре первых книги Лады — книги о коте Микеше. Несколько позднее для того же журнала «Радость» была написана сказка «О хитрой куме-лисе», далее повесть «Воспоминания детства», рассказ «Страшилища и водяные» и после войны — сборник «Озорные сказки».

Все эти книги — забавные истории, как бы вывернутые наизнанку сказки. Так, например, хитрая кума-лиса у Лады живет в наши дни. Она ведет себя так, будто ей известны проделки лис из всех сказок. Лиса попадает в различные неожиданные ситуации, из которых, как это и подобает ей, выходит победительницей. Автор заканчивает повествование тем, что его героиня благополучно остается жить в лесу, становится лесничим и помогает людям охранять и беречь лесные богатства.

[1] J. Lada. Kronika mého života. Praha, 1960, стр. 385.

Подобный прием перенесения сказочных героев в подчеркнуто житейско-бытовую обстановку характерен и для послевоенного сборника Лады из шести коротких рассказов. В них сказочные существа — драконы, водяные, колдуны и черти — ведут себя подобно хитрой куме-лисе. У Лады они, по существу, обыкновенные люди, лукавые или злые и коварные, озорные или печальные, веселые или серьезные.

Как текст, так и иллюстрации этих своеобразных сказок полны живого народного юмора. Лада подшучивает над своими героями, высмеивает всяческие людские пороки. Цветные иллюстрации метко и образно раскрывают содержание.

Сказки Лады в иносказательной форме показывают жизнь, знакомую и близкую детям. Недаром они нашли широкий отклик не только в Чехии, но были переведены и изданы в других странах; у нас же отдельные сказки Лады часто с успехом читаются по радио и ставятся на сцене.

В конце 30-х годов Лада принимается за работу над воспоминаниями о своем детстве, которые впоследствии вошли в книгу «Хроника моей жизни».

В период после второй мировой войны художник продолжает свою необычайно интенсивную работу над иллюстрациями к народным сказкам. Среди них особой популярностью пользуется сборник «Чешский Гонза», текст которого обработан большим знатоком европейского фольклора Йиржи Гораком. Книга с рисунками Лады выдержала несколько изданий. Мастер обращается и к русским авторам — выполняет иллюстрации к «Айболиту» Чуковского.

Разные издательства, в особенности государственное издательство детской литературы, широко развернувшее свою деятельность в социалистической республике, обращаются к художнику с множеством заказов. Нередко писатели создают свои произведения на сюжеты ладовских рисунков. Так, например, Ярослав Сейферт написал сборник «Мальчик и звезды» по мотивам ладовских пастелей и акварелей.

37

В иллюстрациях к созданным им детским книгам Лада всегда умеет очень необычно, по-своему отнестись к графическому претворению текста. И хотя подчас однажды найденные им образы сказочных героев (козел Бобеш, кот Микеш), трактовка отдельных предметов (деревьев, домов и т. п.), некоторые пейзажные мотивы (развалины замка на крутой вершине горы, деревенский костел на пригорке и т. п.) и переходят из одной книги в другую, это воспринимается в работах Лады как рефрен песни, как прием повтора в народных сказаниях, лишь усиливающий эмоциональную выразительность. Это — своеобразная особенность художественного языка Лады, подтверждающая глубочай-

38

39

шую связь художника с истоками народного творчества.

Сказочные герои Лады живут и действуют в знакомом не только автору, но и читателям окружении. Это делает их еще более понятными и близкими для ребят. Вряд ли какому-нибудь другому иллюстратору кроме Лады пришла бы в голову остроумная идея столь запросто, по-домашнему изобразить ангелов, которые кормят праведников в раю чешскими кнедликами (иллюстрация к «12 сказкам с того света» В. Ржиги).

Или, например, на заставке к сказке «Захудалое королевство» нарисован король в высоких крестьянских сапогах, в своеобразном картузе-короне на голове. По полевой дороге с палкой в руке шагает он, покуривая трубку. Вдали родная деревня художника — Грусицы, которую можно узнать во многих ладовских пейзажах.

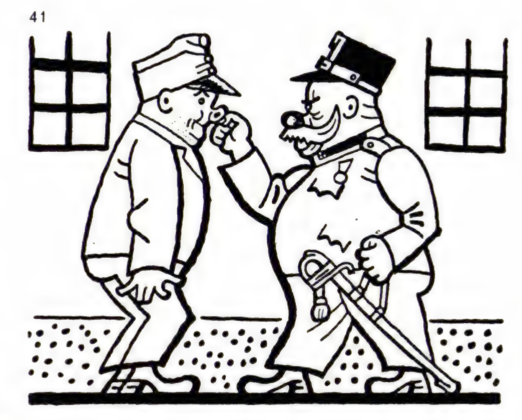
Лада хорошо понимал, что каждому ребенку, одаренному живой фантазией и способностью вживаться в сказочные события, свойственно обостренное восприятие поэзии. Поэтому, изображая реальное, он стремился к поэтизации.

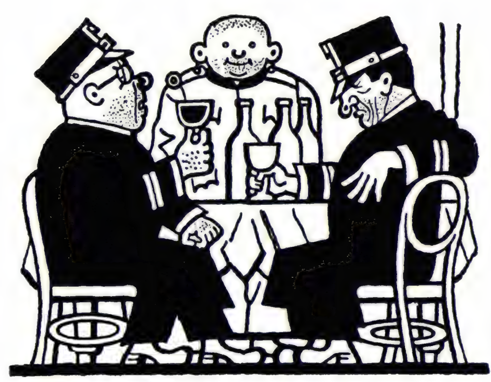
Обычно для иллюстрируемых детских книг Лада исполнял обложки и суперобложки, оформлял форзацы и титульные листы, рисовал заставки, концовки и инициалы. Он одним из первых чешских художников стал заниматься созда-

40

41

42

43

нием общего эскиза оформления детской книги, собственно тем, что в дальнейшем вошло в практику всех мастеров книжной графики.

Не меньше сделано художником и для развития оформления и иллюстрирования книг, адресованных взрослому читателю. Здесь остро проявилось его чувство современности, умение подметить типическое, придать изображению социальное звучание.

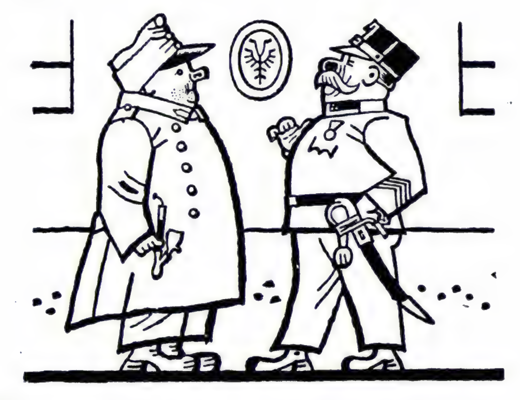
Имя Йозефа Лады прежде всего ассоциируется с его ставшими классическими рисунками к «Похождениям бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. Художник проиллюстрировал и очень много других рассказов, фельетонов и очерков замечательного чешского сатирика, а также книг различных, преимущественно современных ему чешских писателей. Первая иллюстрированная книга для взрослых «Первый май анархистов» (приложение к журналу «Коммуна») появилась в 1907 году, последняя, вышедшая еще при жизни художника, — «Воспоминания детства» (4-е издание) — в 1967 году. Таким образом, Лада проработал над художественным оформлением и иллюстрированием чешской книги половину столетия.

Исполненные Ладой обложки книг, появившиеся до первой мировой войны или вскоре после ее окончания, оставляют впечатление некоторой стилисти-

44

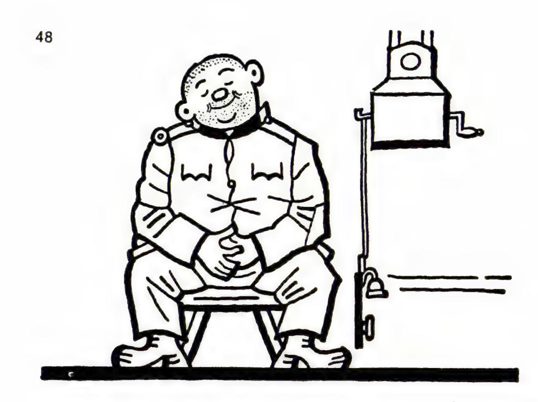

45

46

47

48

ческой пестроты. Здесь можно проследить и влияние рисунков М. Алеша с их демократической направленностью, обстоятельной линейно-штриховой манерой, и воздействие современных немецких художников новых творческих объединений «сецессионов», тяготевших к декоративно-плоскостным решениям.

Сколь не похожи друг на друга обложки к сборнику Франи Шрамека «Патрули» (1909), Эмануиля Шкатулы «Война на Балканах» (1913), Эмиля Шпатного «Чешский антимилитаризм» (1922), Карела Вика «Поповская курица» (1919) или «Семья Шпачека Перчивы» И. Градецкого (1918).

Обложка шрамековских «Патрулей» очень выразительна по своему художественному решению — лаконичному и сдержанному. Черный силуэт собаки, крадущейся по следу, отпечатанному на белом снегу — в верхней части и название книги — в нижней. Плоскостность и декоративность несколько сближают обложку с рисунками художников венского «сецессиона», но в ней уже ощущается свое, ладовское.

Немногословно решена и обложка к книге Э. Шкатулы «Война на Балканах». Нарисованные крупным планом пушка с жерлом, направленым в сторону зрителя, и убитый солдат сразу вводят читателя в напряженную обстановку военных действий. Благодаря строгому светотеневому рисунку изображение приобретает монументальный характер. Четкий шрифт названия удачно включен в общую композицию листа.

Рисунок на титуле книги о «Чешском антимилитаризме» Э. Шпатного носит плакатно-сатирический характер, а оформление сочинения И. Градецкого «Семья Шпачека Перчивы» соответствует лирическому характеру произведения. В этих работах Лада нащупывает свой собственный стиль.

Индивидуальность манеры графика при оформлении книг для взрослых про-

явилась в работе его над обложкой к повести К. Вика «Поповская курица» (1919). Рисунок обложки окрашен своеобразным народным юмором, столь характерным для последующих работ Лады. Художник изобразил типичный уголок чешской провинции — он как бы хочет сказать: здесь все настолько оцепенело и застыло, что даже курица становится по-своему значительной.

Работы по оформлению книг для взрослых подвели Ладу к нелегкой и блестяще выполненной им задаче по иллюстрированию сочинений Ярослава Гашека.

Долгое дружеское общение художника и писателя, прекратившееся лишь с кончиной последнего, постоянный контакт в редакциях, в работе и быту необычайно сблизили обоих. Трудно назвать другого художника, который бы настолько сжился с героями Гашека, как Лада.

А ведь немало графиков-иллюстраторов разных стран обращалось к произведениям чешского сатирика. Это — Г. Гросс и Б. Ефимов, К. Штрофф и И. Трнка, А. Базилевич, Е. Ведерников, И. Семенов и многие другие. Ими было предложено немало интересных решений, однако никто из них не достиг такой цельности, единства рисунка и текста, как Лада. Только Ладе удалось найти настолько точные графические эквиваленты образам писателя, что уже невозможно представить себе персонажей книги иными, чем у художника. Вряд ли будет преувеличением, если мы, перефразируя удачное выражение одного из критиков: «Гашек дал Швейку жизнь, а Швейк Гашеку бессмертие», скажем, что и Лада дал Швейку жизнь, а Швейк Ладе — бессмертие.

Вспомним кратко, как создавался этот всемирно известный роман Гашека. Еще в 1912 году в одном из сборников был опубликован рассказ писателя «Бравый солдат Швейк перед войной». В нем черты будущего Швейка даны еще эскизно. Пройдя через фронт империалистической, а затем гражданской войны в России,

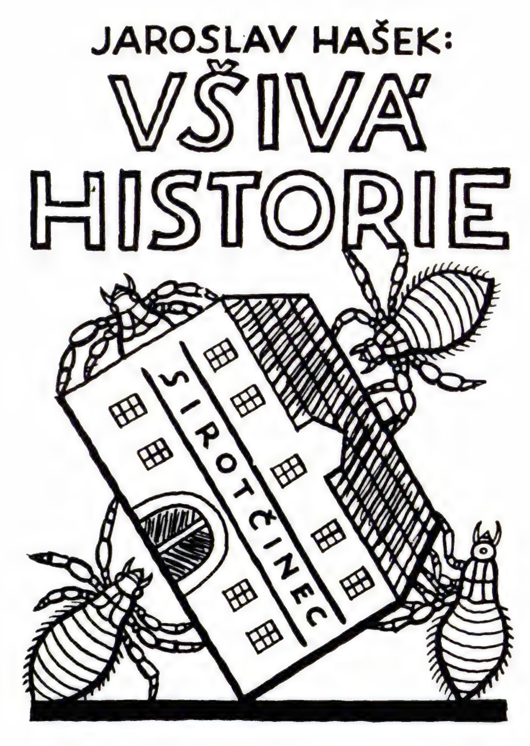
49

50

51

52

53

Гашек возвращается на родину. В 1920 году он начинает работать над сатирическим романом, углубляя и переосмысляя образ Швейка. В 1921 году роман публикуется Ф. Сауэром в еженедельных, дешевых выпусках. На улицах тогдашней Праги можно было встретить широковещательное объявление:

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИМПЕРАТОР
ФРАНЦ-ИОСИФ ПЕРВЫЙ!»
ВОСКЛИКНУЛ БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК,
ПОХОЖДЕНИЯ КОТОРОГО
ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ОПИСЫВАЕТ ЯРОСЛАВ ГАШЕК
В СВОЕЙ КНИГЕ
ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА
ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН — У НАС И В РОССИИ.
ПЕРЕВОДЫ КНИГИ НА ПРАВАХ ОРИГИНАЛА
ВЫХОДЯТ ОДНОВРЕМЕННО С ЧЕШСКИМ ИЗДАНИЕМ
ВО ФРАНЦИИ, АНГЛИИ, АМЕРИКЕ.

ПЕРВАЯ ЧЕШСКАЯ КНИГА,
ПЕРЕВЕДЕННАЯ НА ВАЖНЕЙШИЕ ЯЗЫКИ МИРА!
ЛУЧШАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКИ-САТИРИЧЕСКАЯ КНИГА
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!
ТРИУМФ ЧЕШСКОЙ КНИГИ ЗА ГРАНИЦЕЙ!

Но так как ни издатель, ни писатель, несмотря на рекламу, не надеялись на успех романа, они решили прибегнуть к помощи художника. Рисунок для титульного листа еженедельников был заказан Ладе.

В своей статье «Как я иллюстрировал Швейка» художник вспоминает, что в 1921 году его посетил Гашек и попросил нарисовать обложку для романа. «Я начал работу, — пишет Лада. — В основу образа Швейка я взял не какое-нибудь определенное лицо, а использовал описания, сделанные Гашеком в романе. Я нарисовал Швейка, раскуривающим трубку под летящими пулями, среди рвущихся гранат и шрапнелей. Добродушное лицо, спокойное выражение, по которому видно, что он себе на уме, но в случае необходимости сумеет прикинуться дурачком».

Здесь художник еще только нащупывает графическое воплощение образа Швейка. Окончательное решение его при-

ходит несколько позднее. Писатель не увидел своих книг с иллюстрациями Лады, ибо умер в 1923 году, а первое иллюстрированное графиком собрание сочинений начало выходить с 1924 года и закончилось 16-м томом в 1929 году.

Многочисленные рисунки Лады, прежде чем войти в собрание сочинений, публиковались в течение 1923—1924 годов в иллюстрированном воскресном приложении к газете «Ческе слово» и получили широчайший отклик у читателей. «В каждом номере, — вспоминает художник, — я давал по шесть черных рисунков, под которыми печатал приспособленный мною для этой цели краткий текст Гашека». Иллюстрации во многом способствовали, по справедливому замечанию самого Лады, популярности Швейка.

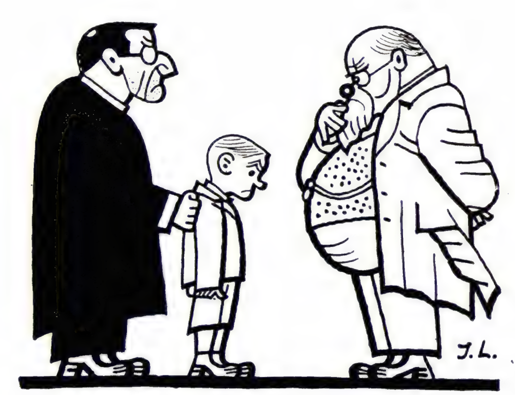
В наши дни трудно представить, что гениальная эпопея была первоначально почти безоговорочно отвергнута большинством критиков. Такие газеты, как «Лидовы денник», «Народни листы» и другие, назвали книгу Гашека «аморальной», и только писатель Иван Ольбрахт в рецензии, опубликованной в «Руде право», признал роман «одной из лучших книг, которые когда-либо были написаны в Чехии». Правда, произведение писателя очень скоро завоевало успех, и Лада заслуженно гордился этим, чувствуя себя к нему причастным.

Художник за сравнительно короткое время создал огромную, состоящую из 540 рисунков серию иллюстраций, в которой персонажи гашековского повествования получили яркую графическую характеристику.

Трудно вообразить иными фельдкурата Каца и поручика Лукаша, сапера Водичку и обжору Балоуна, кадета Биглера и вольноопределяющегося Марека, подпоручика Дуба, капитана Сагнера и многих других. Все они живут и действуют на рисунках Лады в соответствии со своими склонностями, темпераментами, привычками. Так, например, пани

54

55

56

57

Мюллерова изображена худощавой, сутуловатой пожилой женщиной в очках. У нее вытянутая шея, лицо с утиным носом, круглым и безвольным подбородком. Движения нерешительны и медлительны. Во всем облике чувствуется ограниченность и робость; эта женщина боится окружающей действительности и не может разобраться в ней.

Поручик Лукаш в представлении Лады выглядит типичным австрийским обер-лейтенантом, щеголем, довольно снисходительно относящимся к проделкам Швейка. Художник изображает его стройным молодым офицером, с гордо поднятой головой, франтоватыми усиками и напомаженными волосами. Сдержанному Лукашу противопоставляется вспыльчивый и неуравновешенный подпоручик Дуб. В рисунках Лады он не разговаривает, а кричит, его большой рот всегда широко раскрыт. Изъясняясь с подчиненными, он сильно жестикулирует, топает ногами. Корпус, шея и голова у него всегда выдвинуты вперед, кисти рук сжаты в кулаки, кажется, вот-вот он развернется и даст зуботычину. Из-под стекол очков светится злобный взгляд. Крючковатый нос подпирают щетинистые усы. Художнику удалось найти острую характеристику образа этого офицера, олицетворяющего тупой и бездушный формализм австро-венгерской военщины.

Кадет Биглер, о котором Гашек писал, что он глуповат, труслив, но при этом карьерист, стремящийся пробраться в начальники, изображен с большим, тяжелым носом и тупым подбородком на одутловатом лице. Углы его рта всегда опущены, что выражает недовольство. Глаза же пусты, в них нельзя прочесть никаких эмоций, и это придает подчеркнуто нелепый вид всей физиономии.

Вольноопределяющийся Марек изображен с круглым животиком. У него полное бритое лицо с небольшими усиками, концы которых опущены вниз. Весь его облик — интеллигента в пенсне — несколько выпадает из общей полковой галереи, и лишь военная форма роднит его с другими персонажами. Все эти «герои» вряд ли могли встретить лучшего образного интерпретатора, чем Лада.

Самой же замечательной находкой художника был, несомненно, образ самого Швейка. Его физиономия, сияющая и плутоватая, смотрит на зрителя с обложек четырех частей гашековского повествования, вышедших в 1926 году.

Швейк Лады и Гашека дополнили друг друга и слились в неразрывное целое. Вот он: небольшая, коренастая фигура, ухмыляющееся круглое лицо с курносым носом, живые глаза-пуговки, торчащие из-под фуражки уши. Внешне простоватый «идиот в воинской части» в действительности оказывается преисполненным глубокой житейской мудрости. Недаром его сравнивают с такими подлинно народными персонажами, как Иванушка-дурачок и чешский Гонза, Ходжа Насреддин и Фигаро, Тиль Уленшпигель и Санчо Панса.

Если рассматривать одну-две иллюстрации Лады к Швейку изолированно от текста, они покажутся несколько статичными, однако, стоит перелистать страницы книги и посмотреть последовательный ряд рисунков, как они обретают жизненную подвижность и убедительность. Лицо Швейка преображается: то улыбает-

ся, то выражает панический страх, сомнения, коварство, самодовольство. Художник очень точно и остро передает чувства, охватывающие Швейка, его психологическое состояние.

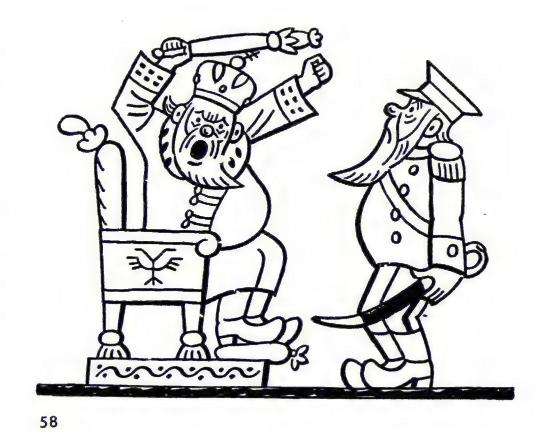
Изобразительный почерк Лады в иллюстрациях к похождениям Швейка сохраняет уже ранее найденные приемы. Предельно выразительна линия, очерчивающая фигуры. Для каждого персонажа найден тот силуэт, который позволяет наиболее полно раскрыть образ. Иногда художник пользуется заливкой формы тушью.

Герои художника напоминают кукол-марионеток, они и шаржированы и вместе с тем жизненно реальны, и, по-видимому, в этом органически найденном синтезе и заключается особая убедительность ладовских иллюстраций. Художник чаще всего показывает две, реже три или четыре фигуры, связанные общим действием. В поворотах фигур, их движении, жестах, мимике проявляются черты характера каждого. Обстановка, место действия определяются чрезвычайно редкими деталями. Читателю как бы предоставляется возможность самому домыслить ту среду, в которой разворачиваются события.

Своей предельной лаконичностью иллюстрации в какой-то степени перекликаются с народной лубочной картинкой или ранней деревянной гравюрой.

Четыре тома гашековских «Похождений бравого солдата Швейка во время мировой войны» получили широчайшее признание общественности не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами. Графический образ Швейка также завоевал мировое признание. Иллюстрации Лады пользовались неизменным успехом на выставках работ художника в Берлине и Праге, Венеции и Риме, Париже и Эдинбурге, Стокгольме и Будапеште.

В настоящее время даже трудно подсчитать, сколько переизданий романа Гашека в разных странах мира было снабжено иллюстрациями Йозефа Лады.

58

59

60

61

Последнее при жизни художника — восемнадцатое иллюстрированное издание вышло в Праге в 1955 году. Оно было снабжено послесловием Лады: «Как я иллюстрировал Швейка». Рисунки здесь впервые были осуществлены в цвете. Художник работал над ними в 1953 — 1954 годах. «Я понимал, — писал он, — что не могу изменить типы отдельных героев, так как с ними свыклись читатели, да и мне самому они нравились».

После того, как Лада глубоко сроднился с героями швейковской эпопеи, он обратился к иллюстрированию и других произведений писателя. Вскоре после смерти Гашека издательство Адольфа Синека в Праге приступило к подготовке первого, далеко не полного собрания сочинений писателя. Издательство пригласило Ладу для художественно-графического оформления всех томов издания. Он создал рисованные обложки, шрифты заглавий и иллюстрации. Последние решались в виде заставок к отдельным рассказам. Изображение было достаточно крупным. В каждой книге давалось от двадцати до сорока иллюстраций. Все элементы художественного оформления от обложки до рисунка шрифта были глубоко продуманы.

«Малые формы» Гашека в их совокупности часто называют комической энциклопедией Чехии первой четверти XX века. В рассказах и фельетонах писателя раскрываются нелепые, смешные и уродливые стороны современной ему действительности. Иллюстрации Лады к этим произведениям отражают основной их смысл четким и ясным, подчас лубочным языком.

Очень выразительны и обложки, оформленные Ладой. На обложке сборника «Гид для иностранцев», например, изображена фигура героя новеллы, давшей название книге. Художник передает тупоумное самодовольство этого «господина, оценивающего свои услуги — показ городских достопримечательностей с

62

соответствующими объяснениями — четырьмя марками, плюс закуска с выпивкой». На коротеньких, широко расставленных ножках раздутое шарообразное туловище, завершающееся маленькой заплывшей жиром головой в крохотной фуражке. В руке круглая пивная кружка. Весь облик «гида» обнажает его утробную сущность и как бы олицетворяет тупую и страшную косность провинциального быта. Фигура очерчена энергичным контуром. Рисунок выполнен с применением легкой светотеневой заливки. В верхней части обложки тяжелым крупным шрифтом дано название книги.

В острой линейно-графической манере решена и обложка к сборнику «Вшивая история». Рассказ, название которого стало названием книги, беспощадно сатиричен. В нем выведены образы городского головы, директора приюта, «отца церкви» — пьяницы и лицемера, законоучителя Вольфганга и других. Разрушая рамки бытового правдоподобия, персонажи превращаются в гротескные маски. Своеобразным гротеском является и насекомое, завладевшее сиротским приютом, вошь, с которой никто уже из городских властей не в состоянии справиться. Лада удачно перевел сатиру писателя на язык графического искусства. Он нашел очень скупое решение, которое граничит с своеобразным символом. Четверо насекомых, окружив накренившееся здание сиротского дома, держат его в цепких лапах. Так художник выражает основную мысль рассказа — демагогическая болтовня власть имущих по поводу заботы о ближних является лицемерной ширмой, а детский сиротский приют остается по-прежнему во власти вшей.

Художественный язык Лады по своим изобразительным приемам очень точно совпадает с литературной манерой Гашека. В иллюстрациях художника, так же как и у писателя, «работают» лишь главные персонажи, самые необходимые

63

64

65

детали, гротескно заостряется лишь наиболее характерное и типичное. Его иллюстрации — наполовину карикатуры, и именно поэтому они так органичны, так созвучны тексту великого сатирика.

Длинный ряд книг писателя, проиллюстрированный Ладой, завершается сборником «Небольшой зоологический сад» (1950). После второй мировой войны Лада много работает над усовершенствованием рисунков для переиздания выходивших ранее книг, продолжает иллюстрировать сочинения Гашека.

В 1946 году он обращается к новой большой теме — графическому истолкованию произведений крупнейшего чешского поэта-сатирика и публициста середины XIX столетия Карела Гавличка-Боровского.

Произведения Карела Гавличка-Боровского (1821 — 1856) направлены против политики Габсбургской монархии, в них писатель бичевал основы самодержавных режимов тогдашней Европы. Работа по иллюстрированию его сочинений служила в Чехии своеобразным экзаменом для многих графиков. Кто только из чешских карикатуристов за последние сто лет не обращался к сатире писателя. М. Алеш, Ф. Гельнер, З. Кратохвил, К. Штрофф, В. Бруннер, В. Рада, Ф. Бидло, Ф. Седлачек, — вот далеко не полный перечень его иллюстраторов.

Когда Лада решил иллюстрировать поэмы Гавличка, он был уже сложившимся мастером. Его не могли отпугнуть имена крупных художников, ранее работавших над графической интерпретацией текстов этого автора. Он создал рисунки к сатирическим поэмам «Крещение святого Владимира» (вышла из печати в 1946 году), «Король Лавра», «Тирольские элегии» (1947), эпиграммам (1949) и книге стихов (1953).

Поэма Гавличка-Боровского «Крещение св. Владимира»[1] представляет собой острую и злую сатиру на клерикализм и монархию. Взяв сюжет из древнерусской истории, писатель показал современную монархическую Австрию. Лада сумел почувствовать в произведении писателя пародийный характер его творения и отразил это во всем художественном оформлении, от форзаца и иллюстраций до концовки.

Князь Владимир, в день рождения
сидя на престоле,
шлет гонца к Перуну-богу
с изъявлением воли.

Так начинает свою поэму Гавличек. В первой же иллюстрации Лада создает карикатурный образ властителя. Князь охвачен гневом; сидя на троне, он неистово размахивает скипетром. Перед ним — гонец, трясущийся от страха.

Все образы даны в нарочито конкретной бытовой трактовке. Трудно вообразить более жизненно убедительный облик «сенной девки» с подоткнутым подолом, засученными рукавами, стоящей возле бадьи и с любопытством рассматривающей гонца князя.

Здесь, как и во всех рисунках, большую роль играет энергичный жест, выразительный силуэт фигуры и особенно очень подвижная мимика.

Или другая иллюстрация. Мужичок Перун робко присел на краешек лавки,

[1] Боровский. Тирольские элегии. М., 1963 (перевод Д. Самойлова).

чтобы «себя потешить на досуге». После напряженного, неприятного разговора с княжеским гонцом, которому он отказал в требовавшейся «громовой канонаде», Перун весь как-то обмяк и осел. Супруга, широко расставив ноги и подбоченясь, стоит перед ним в величественной позе с угрожающе поднятым пальцем и выговаривает житейские прописные истины.

Лада — художник книги и Лада — мастер станковой графики неразрывно связаны между собой. В первые два десятилетия творческой деятельности, будучи занят постоянной, ежедневной работой для газет и журналов, Лада не мог уделять достаточно времени станковой графике. Однако, начиная с 1920-х годов, все чаще появляются его акварельные рисунки или пастели, носящие самостоятельный характер. Потом многие из них были использованы при оформлении и иллюстрировании автобиографического повествования: «Хроника моей жизни», а также в некоторых других книгах, например, «Мальчик и звезды».

В 1920 — 1930-е годы Йозеф Лада создает ряд акварелей на бытовые сюжеты, они близко стоят к его журнальным рисункам. Собственно, эти акварели представляют собой скорее подцвеченные рисунки.

Листы убедительны по остроте характеристик изображенных персонажей, они отличаются знанием крестьянского быта и уклада чешской деревни начала XX века. Все герои этих композиций типичны и жизненны.

Постепенно в акварелях Лада отходит от подчеркнутого гротеска журнальных карикатур и обращается к более спокойной, созерцательной, жанровой трактовке.

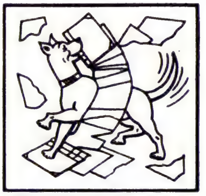
В тяжелые годы оккупации Чехословакии гитлеровской Германией сатирические журналы и газеты были закрыты, издание книг почти прекратилось. В это время художник особенно

Je to stará historie,
mastnotu že papír pije.

Jak to bývá v světě všade,
pekáč na knihu se klade.

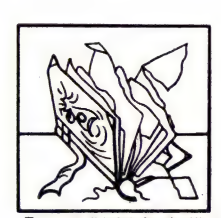
Také pes má k čtení vlohy,
proč však kniha nemá nohy?

Komu všechno k užitku je,
nábytek jí podstavuje.

Knihu bez námahy vrátíš,
když ji prostě někde ztratíš.

Za to, že ji kdekdo chváli,
ejhle, jak ji dodělali!

66

67

много работает в станковой графике. Он все чаще обращается к пейзажу — изображает свои родные Грусицы. Создание сюиты пейзажей настолько увлекло мастера, что он не оставлял ее до последних дней жизни.

Эти листы выполнены в технике гуаши, акварели и пастели. Художник рисует цветущие луга, убегающие дали возделанных полей, леса, тихие заросшие ручейки. Пейзажи проникнуты большой любовью художника к природе. Во многих листах чувствуется стремление передать определенное настроение. Сколько волнующей поэзии в изображении уголка старой чешской деревни, залитой лунным светом, с мерцающими звездочками, усеивающими синее небо, с мечтательной парой, внимающей ночной красоте.

Тревожным ощущением надвигающейся грозы проникнут лист, на котором высокая сосна возвышается среди полегших от ветра колосьев. Вдали в зелени красиво белеют хатки и костел любимых Ладой Грусиц.

Пастели художника — как бы ожившие страницы детских воспоминаний. В них выражено чуть наивное, по-детски ясное и гармоничное восприятие мира.

...Зимний рождественский вечер. Опускаются на землю снежинки. В окнах деревенских домиков светятся праздничные огоньки. Зажигаются елки. Переходят из дома в дом колядчики, собирая подарки и принося радость многим малышам.

На другом листе мы видим, как по улице небольшого городка от дома к дому шагает Дед Мороз — св. Микулаш с тиарой на голове и посохом в руках, ангел несет подарки, а им сопутствует черт. Или еще одна картинка — снова городская улица, лунная ночь, падает снег. В ярко освещенном окне видна большая елка, и на нее с любопытством глядит ребенок, сидящий на плечах у отца.

Поэтичны зимние деревенские пейзажи, относящиеся и к 1951 году. Словно бродишь вместе с Ладой по заснеженным улицам Грусиц, радуешься вместе с ребятами катанию на салазках, любуешься уютными крестьянскими домиками, обложенными поленницами.

В графических листах художника, несомненно, можно найти черты сентиментальности и несколько наивной идеализации. Лада видит действительность недостаточно многогранной, его часто привлекает одна сторона — внешняя занимательность, его интересуют народные праздники, весенние, летние забавы детей. Однако художник никогда не уводит зрителя от привычного мира вещей и понятий. Все, что сделано Ладой в области станковой графики, подсмотрено и увидено им в жизни.

Яркость и народность художественного языка мастера привлекли к нему внимание режиссеров театра и деятелей кино. Произошло это уже в пору расцвета творческого дарования художника, когда его популярность в связи с широким распространением иллюстраций к сочинениям Гашека особенно возросла.

В 1930 году один из режиссеров Национального театра обратился к нему с просьбой оформить постановку пьесы Каэтана Тыла «Волынщик из Стракониц». По словам одного из критиков, режиссеру хотелось по возможности сохранить наивную прелесть пьесы, добиться непосредственного и живого восприятия зрителем театрального представления. Печать похвально отозвалась о постановке. Обозреватель газеты «Народни листы» писал: «На сей раз Йозеф Лада впервые предстал перед нами как театральный художник. Простой и сердечный юмор, наивность, сливающаяся с чистым лиризмом, — главные достоинства его красочных живых декораций, которые отличались не фальшивым иллюзионизмом, а прелестью сказочной

и в то же время конкретной живописи».[1] Работа над первыми театральными декорациями давалась Ладе нелегко. Он был слишком далек от технических вопросов оформления театральных постановок. Однако в целом дебют прошел успешно, и в дальнейшем Лада создал эскизы декораций и костюмов еще для нескольких пьес Национального театра, в частности, для «Проданной невесты» Б. Сметаны, оперы «В стужу» Вилема Блодки, «Живописной идеи» О. Зихи. Художник немало работал в театре.

Об оформлении «Проданной невесты» Б. Сметаны Лада рассказал следующее: «Случайно я набросал для себя что-то на сюжет из «Проданной невесты», рисунок был куплен, и в 1936 году меня встретил Ганушъ Тын — режиссер Национального театра и предложил поставить «Проданную невесту». Пришлось тщательно изучать размеры сцены Национального театра, рисовать избы, господские светлицы и множество иных деталей».[2] Однако в целом оформление получилось несколько стилизованным, вызвало споры и различные оценки. «Одни, — писал Лада, — помнившие постановку «Проданной невесты» пятидесятилетней давности, хотели видеть ее со всеми реалистическими подробностями прошлого времени; другие, особенно молодежь, приветствовали условно-шутливые декорации именно «комической» оперы, как гласит подзаголовок».[3]

В послевоенные годы Лада осуществил постановки написанной им сказки «Страшилища и водяные» в городе Брно, «Разбойничьей комедии» Томана в Пльзене, а в пражском театре для детей (район Винограды) была сделана инсценировка сказки «О коте Микеше» и некоторые другие. В 1952 году Ладе было поручено

[1] Цитируется по кн. J. Lada. Kronika mého života, стр. 377.
[2] Там же, стр. 378.
[3] J. Lada. Kronika mého života, стр. 381.

68

исполнение декораций к опере Антонина Дворжака «Черт и Кача».

Широко проявился талант художника и в области мультипликационного рисованного фильма. «Первый рисованный фильм я увидел в 1935 году, — рассказывает сам Лада. — Это был американский гротеск. Процесс оживления рисунков заинтересовал меня, но я понимал, что не сумею работать без помощников».[1] И, собственно, лишь в послевоенное время вместе с таким замечательным мастером чешского рисованного и кукольного фильмов, как Иржи Трнка, Йозеф Лада смог наконец осуществить свою первую детскую мультипликацию. Это произошло по инициативе студии мультфильмов, обратившейся к художнику с предложением сделать фильм. Так была создана «Считалка». В фильме использовались иллюстрации Лады из книжек «Моя азбука», «Каламайка», «Рассказы нашего кота» и другие. Музыку написал Л. Яначек. Фильм был закончен в 1949 году и с большим успехом демонстрировался не только на экранах Чехословакии, но и в большинстве стран мира.

В начале 1950-х годов художник работал над рисунками к мультфильму «Черт и Кача». Это веселая народная сказка в обработке Божены Немцовой о девочке, в которую вселился черт и которая поэтому перестала бояться нечистой силы. Характер повествования позволил Ладе изобразить в свойственной ему

[1] J. Lada. Kvonika mého zivota, стр. 382.

ласковой улыбчивой манере причудливое царство злых и лукавых бесов.

Яркий цветной фильм был создан Ладой на сюжет басни С. Михалкова «Заяц-хвастун». Он получился легким, полным остроумных находок, веселой ладовской иронии и мудрой, ненавязчивой поучительности.

Небезынтересно вспомнить, что в конце 1940-х и в 1950-х годах чехословацкие рисованные и кукольные фильмы были неоднократно отмечены премиями и почетными дипломами на международных фестивалях. Этому успеху, безусловно, содействовал и Лада своими работами.

К 1954 году Трнка закончил киноинсценировку по роману Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Актерами этого фильма были куклы. В основу решения их пластических образов были положены персонажи иллюстраций Лады. Это еще раз убеждает в необычной типичности и жизненности образов художника.

В сентябре 1947 года Ладе к его шестидесятилетию было присвоено почетное звание народного художника. Весь его творческий путь — это путь мастера-труженика, творчество которого всегда было обращено к простому народу и посвящено ему. Поэтому происшедшие после февраля 1948 года преобразования в Чехословакии были восприняты Ладой с большим подъемом. Художник, несмотря на возраст, находился в расцвете своих творческих сил. Как уже отмечалось, он много работал в театре, кино. Одна за другой продолжали выходить иллюстрированные им книги. Произведения художника экспонировались на выставках в пражском кремле в 1951, 1953 и 1955 годах.

Его работы успешно демонстрировались и на выставках чехословацкого искусства в нашей стране и во всем мире. Дочь художника Алена Ладова в своей книге «Мой отец Йозеф Лада» писала: «Отец никогда не был дальше Гамбурга и острова Гельголанда, но его произведения видели большой мир: Париж, Лейпциг, Вену, Берлин, Женеву, Венецию, Рим, Будапешт, Софию, Варшаву, Стокгольм, Амстердам, Эдинбург, Москву, Копенгаген, Китай, Корею, Вьетнам и Мексику».

Всего лишь несколько дней не дожил художник до открытия большой ретроспективной выставки, подготовленной к его 70-летнему юбилею. 14 декабря 1957 года Лада скончался. Выставка его произведений имела огромный успех: она демонстрировалась в Праге, Братиславе и многих других крупных городах страны.

Искусство художника, глубоко демократичное по своему характеру, самобытное, национальное, своими истоками уходящее в народное творчество, органично вошло в культуру социалистической Чехословакии.

Рисунки Лады для детской книги, иллюстрации к произведениям Гашека и других писателей, его станковые листы принадлежат к лучшим образцам графического искусства первой половины XX столетия. Работы мастера оказали влияние на многих графиков-иллюстраторов. Лада был человеком большого сердца и чистой души. Он любил людей и своим искусством щедро дарил им улыбки. Особенно большую радость его лучезарные картинки приносили детям. В них всегда было много ясного неба и яркого солнца.

А. С. ГРИВНИНА

ЙОЗЕФ ЛАДА

ГРАФИКА

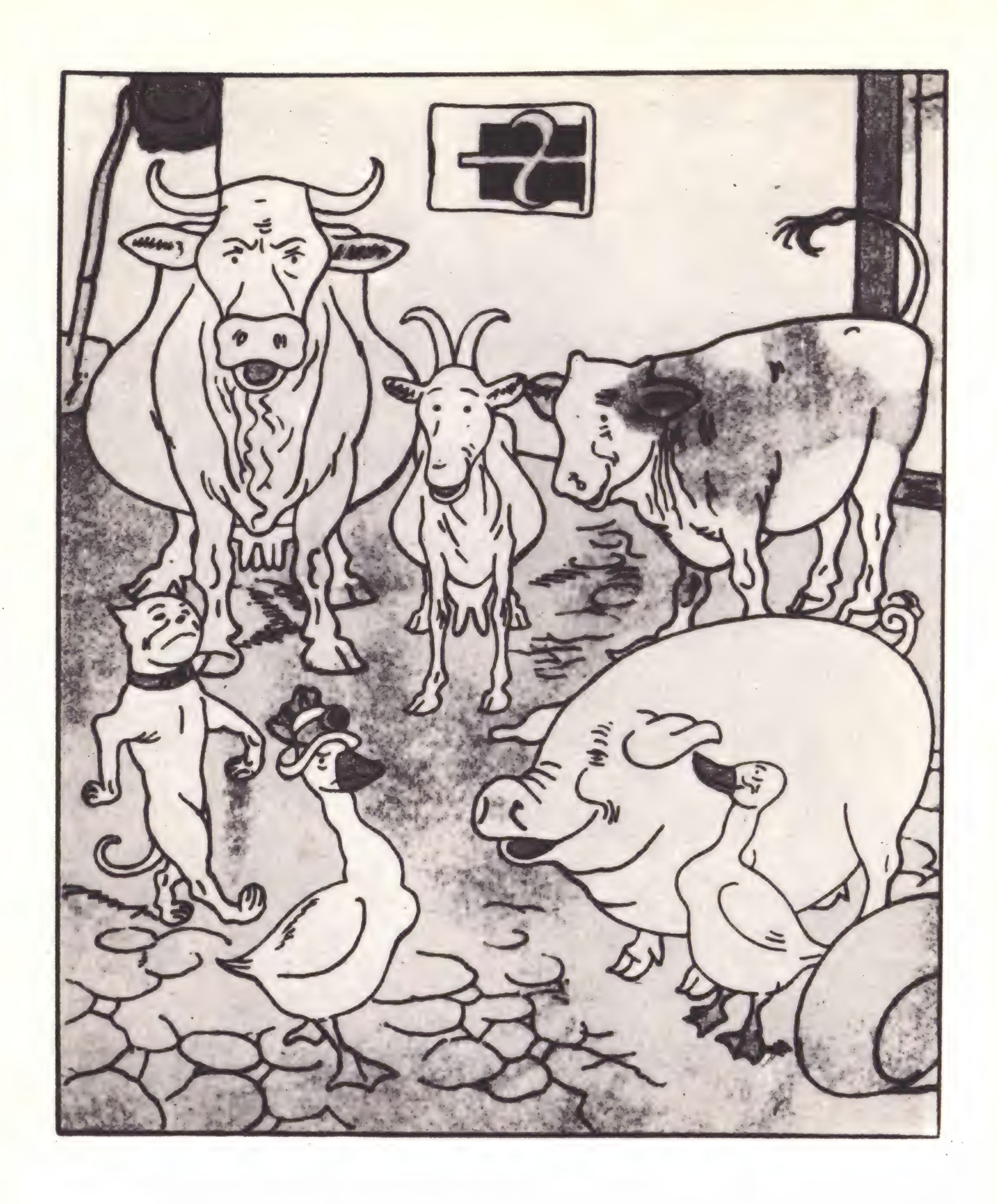
1. Иллюстрация к «Сказке о Гонзичке и златовласой Изоле» Я. Гавличка, 1906

LADA

2. На призывном пункте. Журнал «Неруда», 1906

3. Пражские детские игры. Журнал «Карикатуры», 1909—1910

4. Важный гусь. Журнал «Копршивы», 1915

5. Мельник и его дочь. Журнал «Копршивы», 1916

6. Обложка к книге Э. Шкатула «Война на Балканах», 1913

J. R. HRADECKÝ:

RODINA ŠPAČKA PERČIVY.

POHLED DO MANŽELSTVÍ DVOU ŠPAČKŮ, O JEJICH STRASTECH, RADOSTECH I NADĚJÍCH.

ZEMĚDĚLSKÉ KNIHKUPECTVÍ A. NEUBERT

V PRAZE.

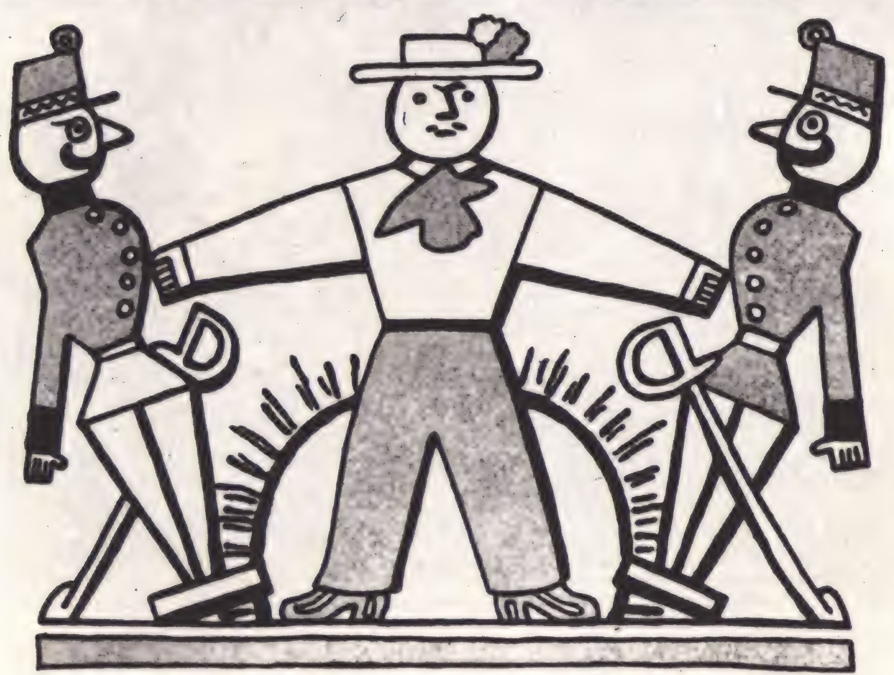
7. Обложка к книге И. Градецкого «Семья Шпачека Перчивы», 1918

8. Поэзия и проза. Журнал «Квитек...», 1929

Emil Špatný:

ČESKÝ ANTIMILITARISM

TISKOVÉ A VYDAVATELSKÉ DRUŽSTVO
„MLADÉ PROUDY"
V PRAZE I., MICHALSKÁ 4

9. Обложка к книге Э. Шпатны «Чешский антимилитаризм», 1922

10. Иллюстрация к книге К. Эрбена «Волчья свадьба», 1919

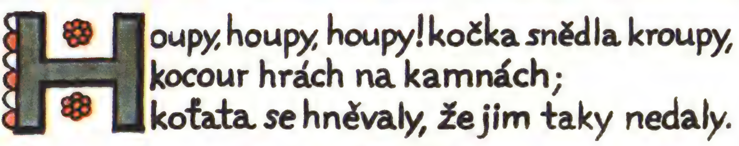
11. Иллюстрация к книге Й. Лады «Мир животных», 1919

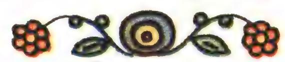

12. Бондарь. Иллюстрация к книге «Каламайка»

13. Иллюстрация к книге «Моя азбука»

14 — 15. ИЛЛЮСТРАЦИИ К СБОРНИКУ К. ЭРБЕНА «НАРОДНЫЕ СЧИТАЛКИ». 1921

14. Кошки

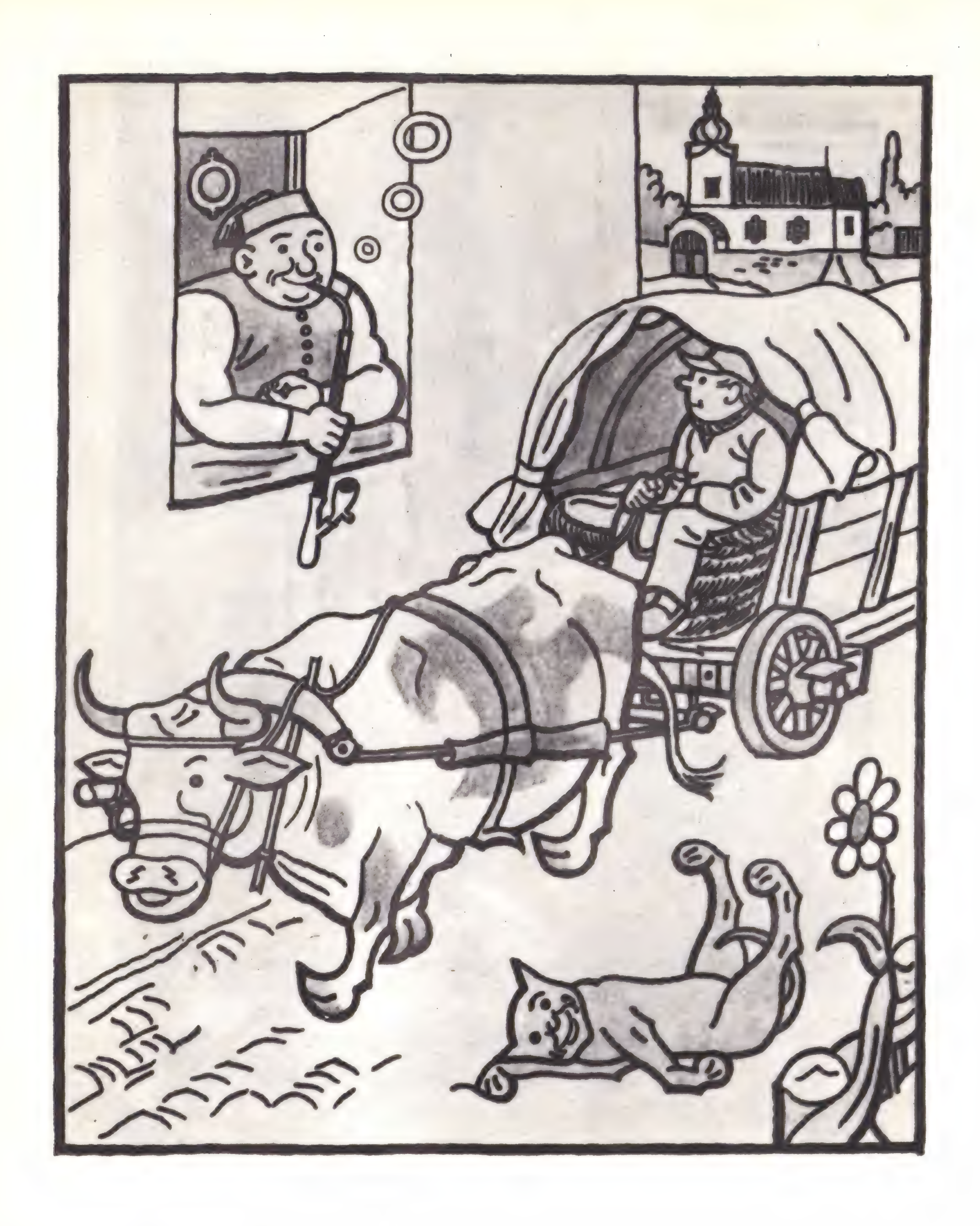
JOS. LADA

Strejček Nimra koupil šimla
za půl páta tolaru;
přišel domů, popad ženu,
tancoval s ní maděru.

15. «Дяденька Нимра...»

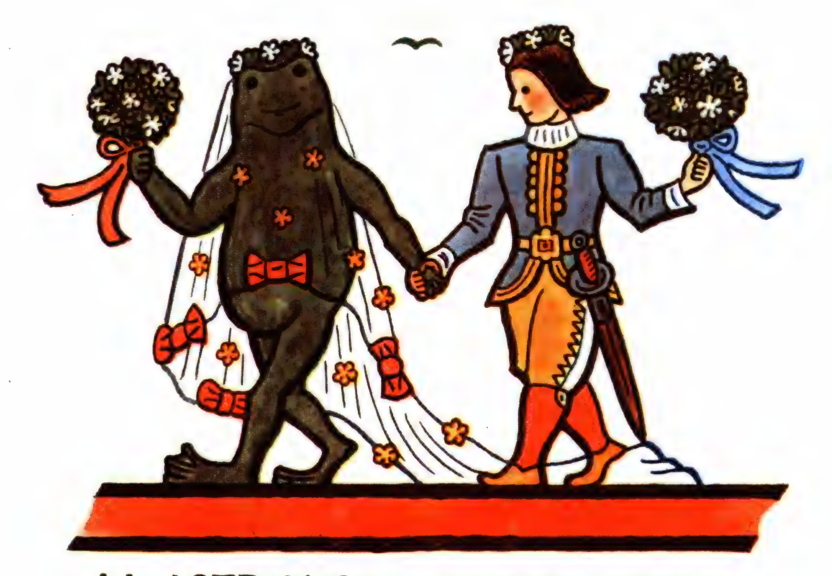
16. Возница и священник

17. Иллюстрация к «12 сказкам с того света» В. Ржиги, 1921

JOS. Š. KUBÍN

KNIHA POHÁDEK

ILUSTROVAL JOSEF LADA

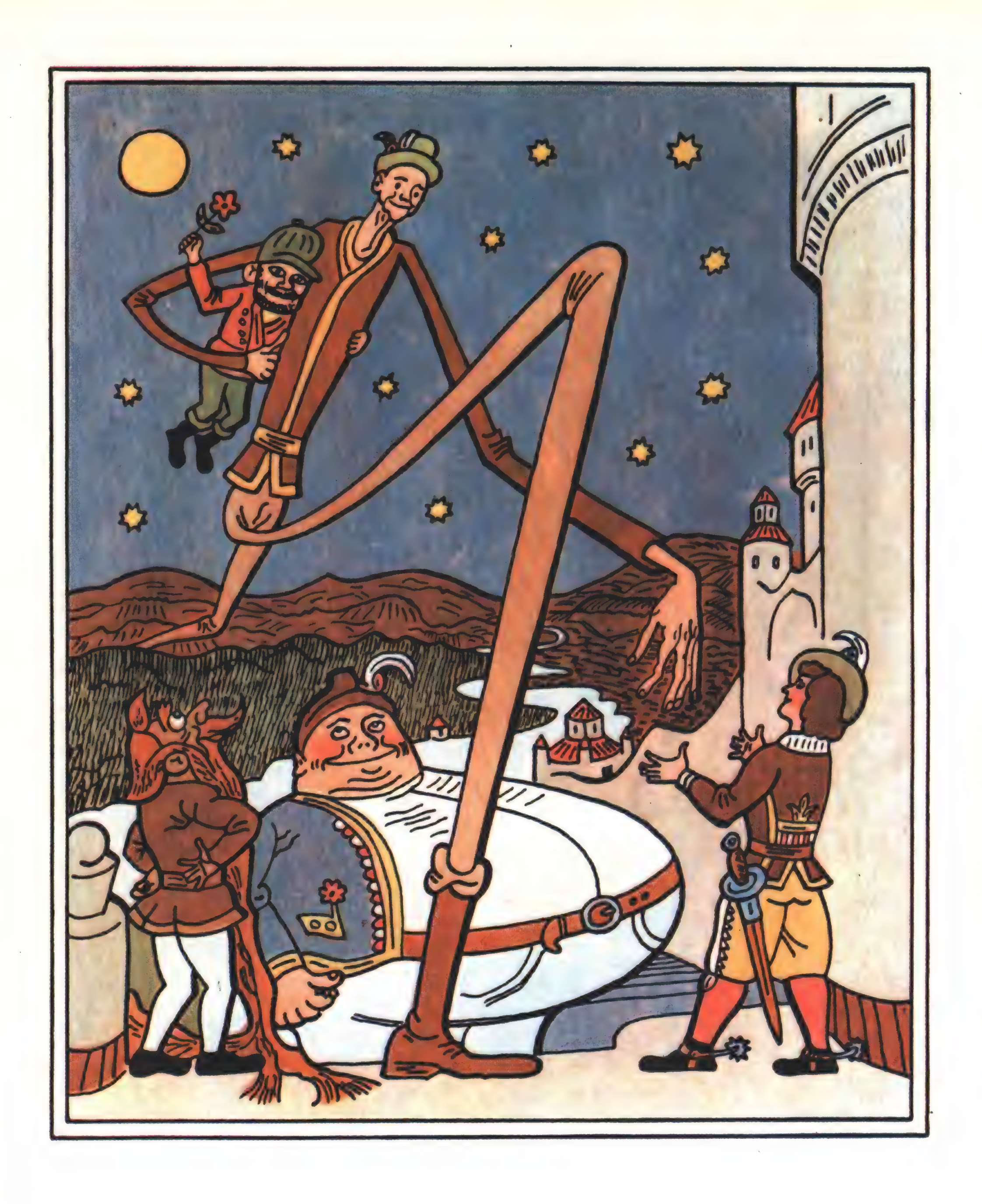
STÁTNÍ NAKLADATELSTVÍ DĚTSKÉ KNIHY

18. Обложка к книге сказок Й. Кубина, 1921

19 — 20. ИЛЛЮСТРАЦИИ К КНИГЕ СКАЗОК Й. КУБИНА, 1921

19. Потерявшийся мальчик

20. Быстроглазый, длинноногий и толстый

21 — 25. ИЛЛЮСТРАЦИИ К КНИГЕ Й. ЛАДЫ «ВЕСЕЛОЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЕ», 1925

21. Корабль пустыни

22. Олень-лыжник

23. Удильщик подледного лова

24. Змеиный писарь

25. Заяц-воришка

26 — 28. ИЛЛЮСТРАЦИИ К СБОРНИКУ СКАЗОК Б. НЕМЦОВОЙ, 1926

26. Лесная фея

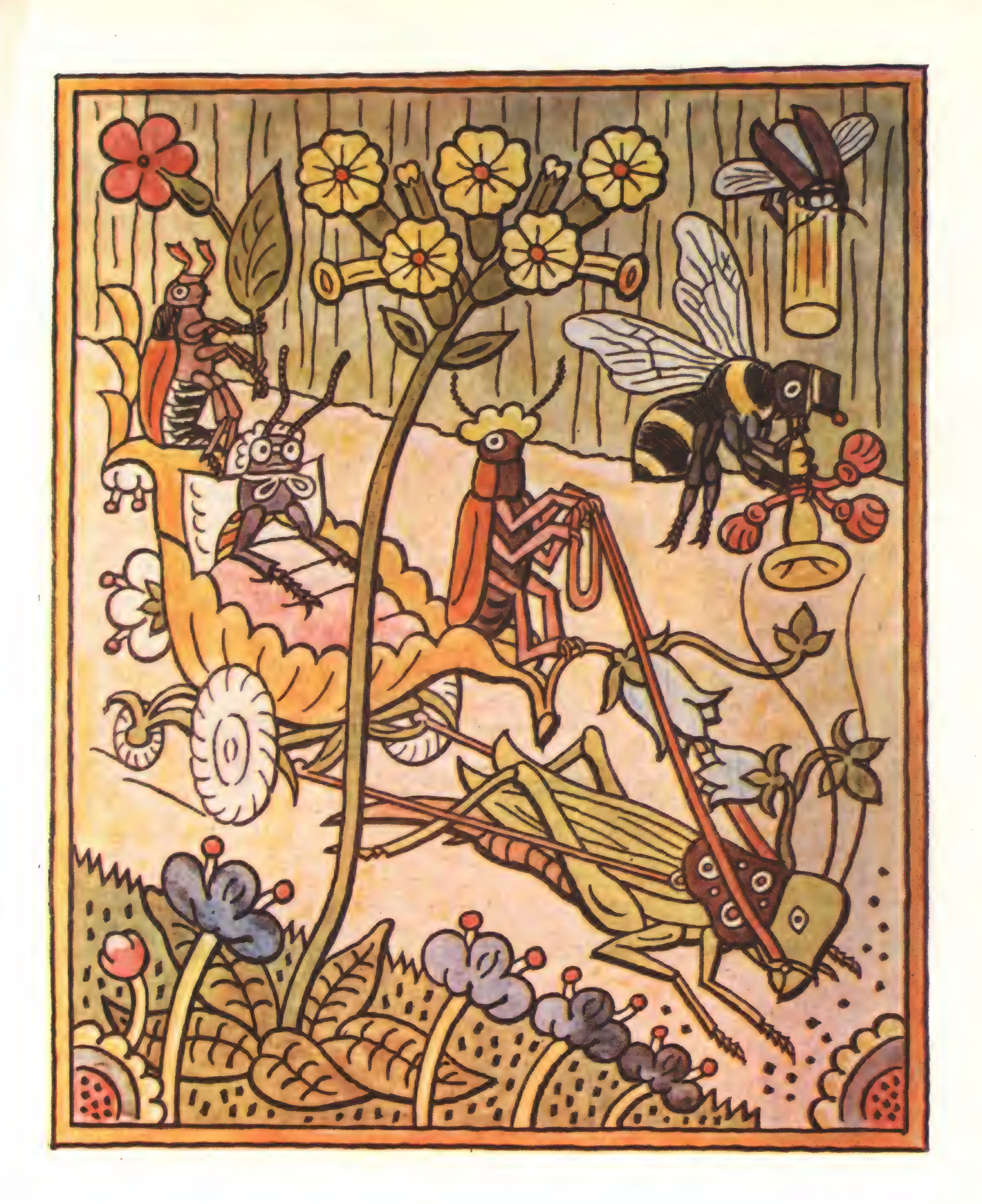
27. Пряничный домик

28. Семь воронов

29 — 30. ИЛЛЮСТРАЦИИ К «СКАЗКЕ О ЗОЛОТОЙ МУШКЕ», 1928

31. Иллюстрация к сборнику Й. Лады «Стишки нашего Кадла», 1928

32 — 37. ИЛЛЮСТРАЦИИ К СБОРНИКУ И. ЛАДЫ «ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ», 1929

32. Снежная баба

33. На санках

34. Волчок

35. Запруда

36. Ловля раков

37. На качелях

38 — 39. ИЛЛЮСТРАЦИИ К СБОРНИКУ Й. ЛАДЫ «КРЯКАНЬЕ НАШЕЙ УТКИ», 1932

38. Змея

39. Коза

40 — 45. ИЛЛЮСТРАЦИИ К СБОРНИКУ БАСЕН ЭЗОПА, 1931

40. Муравей и кузнечик

41. Лягушка и бык

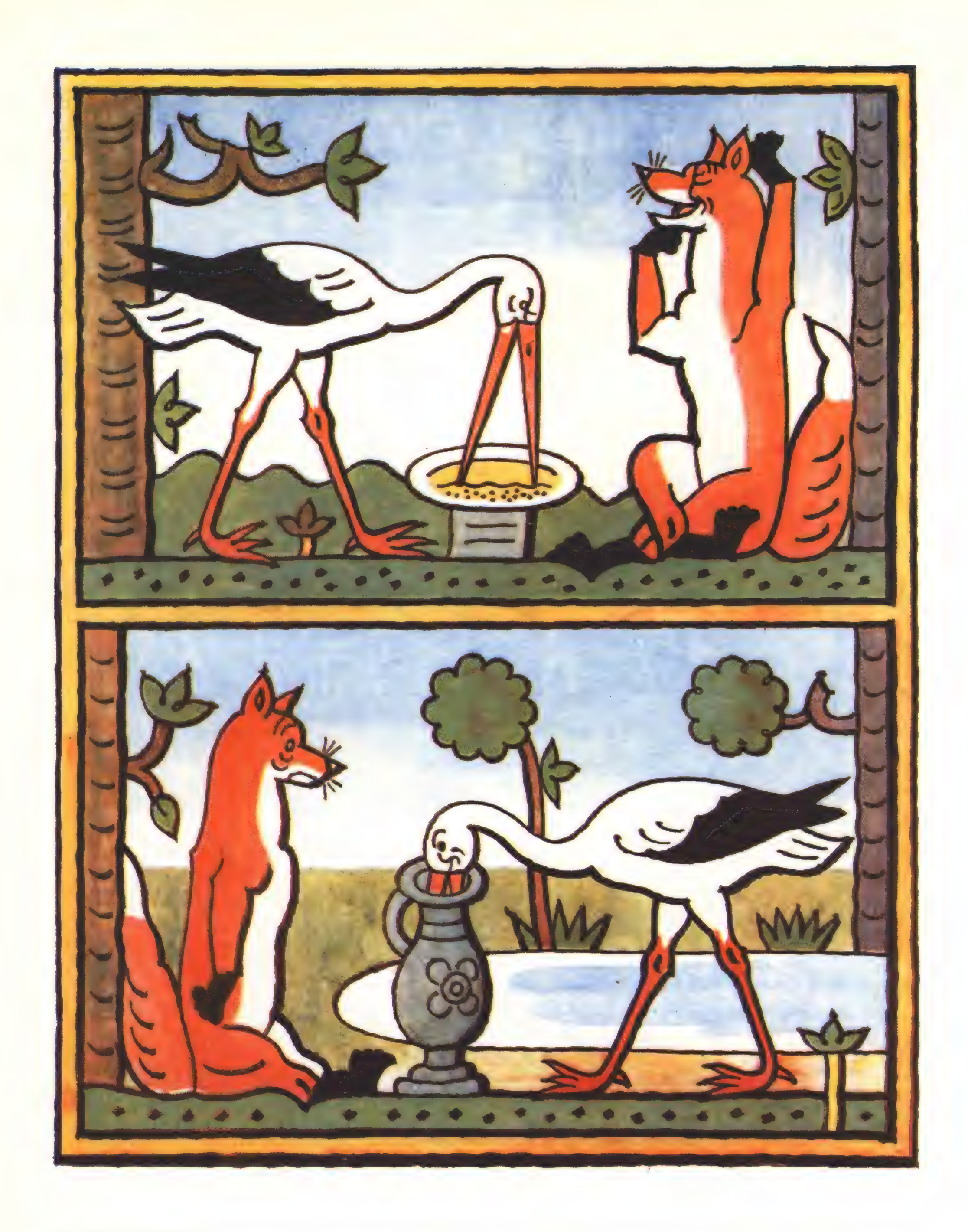
42. Собака и петух

43. Лягушка и мышь

44. Осел и щенок

45. Лиса и журавль

46. Обложка к сказке Й. Лады «О хитрой куме-лисе», 1937

JOS. LADA

O CHYTRÉ KMOTŘE LIŠCE

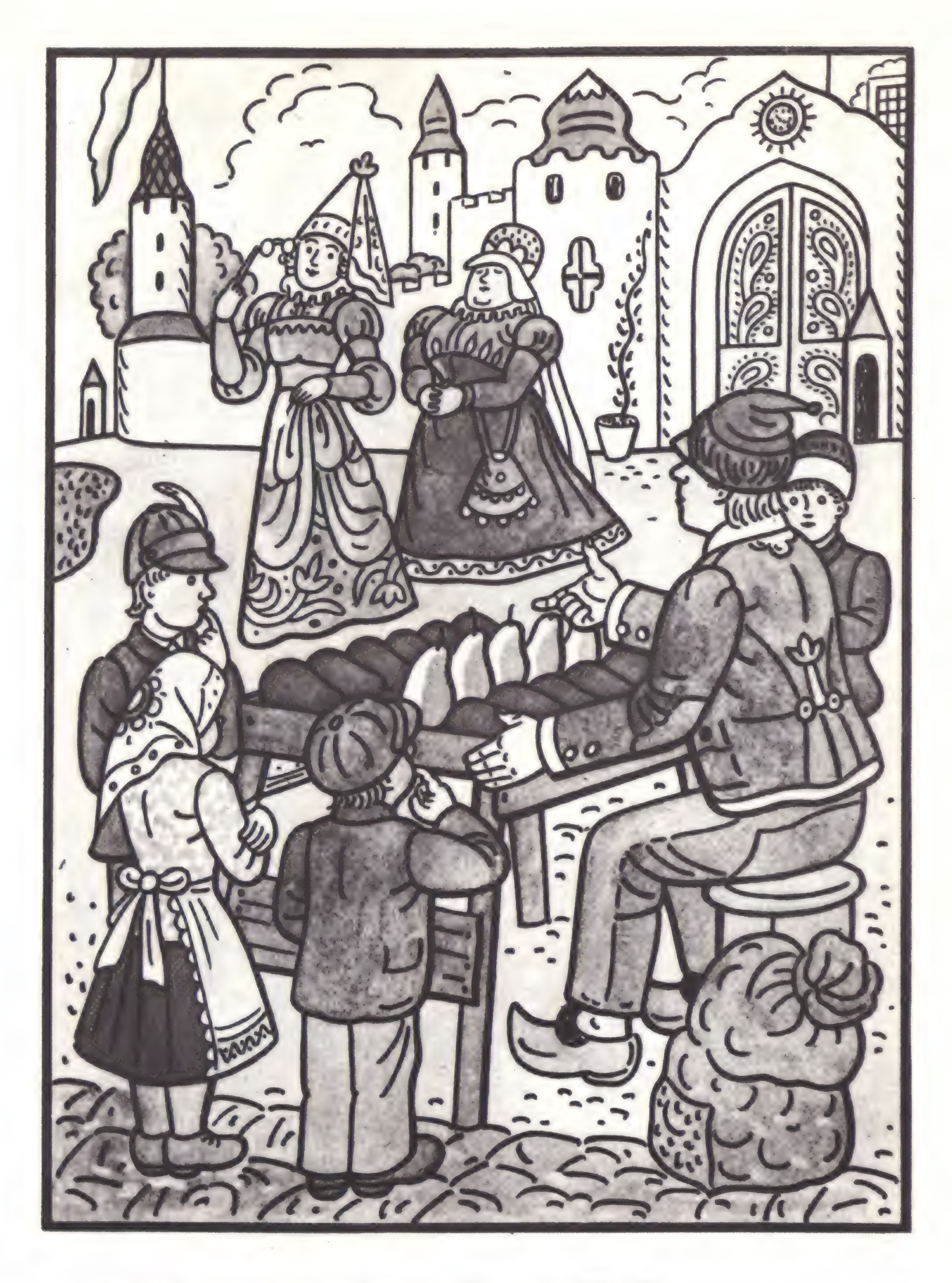

STÁTNÍ NAKLADATELSTVÍ DĚTSKÉ KNIHY

VYBRAL A UPRAVIL JIŘÍ HORÁK
ILUSTROVAL JOSEF LADA
STÁTNÍ NAKLADATELSTVÍ DĚTSKÉ KNIHY

47. Обложка к сборнику сказок Й. Горака «Чешский Гонза», 1951

48 — 50. ИЛЛЮСТРАЦИИ К СБОРНИКУ СКАЗОК Й. ГОРАКА «ЧЕШСКИЙ ГОНЗА»

48. Продажа груш

49. Златоглавый Гонзичек .

50. На летящем коне

51. Форзац к сборнику Й. Лады «Йозеф Лада — детям», 1956

NEZBEDNÉ POHÁDKY

NAPSAL A NAKRESLIL JOSEF LADA

SNDK

52. Обложка к сборнику Й. Лады «Озорные сказки», 1946

53 — 54. ИЛЛЮСТРАЦИИ К СБОРНИКУ «ОЗОРНЫЕ СКАЗКИ»

53. Храбрая принцесса

54. Волшебное яблочко

55 — 56. ИЛЛЮСТРАЦИИ К СБОРНИКУ Й. ЛАДЫ «КУКАДЛА», 1946

55. Конь

56. Колбаса

JOSEF LADA

ŘÍKADLA

STÁTNÍ NAKLADATELSTVÍ DĚTSKÉ KNIHY

57. Обложка к сборнику «Считалки»

58. Иллюстрация к сборнику Й. Лады «Стишки нашего Кадла», 1928

59. Автопортрет Й. Лады, 1926

JAROSLAV HAŠEK:
OSUDY
DOBRÉHO VOJÁKA
ŠVEJKA
ZA SVĚTOVÉ VÁLKY

60. Обложка к книге Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», 1926

61 — 71. ИЛЛЮСТРАЦИИ К КНИГЕ Я. ГАШЕКА «ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА», 1955

61. Фельдкурат Кац

62. Поручик Лукаш

63. Полковник Шредер

64. Солдат Балоун

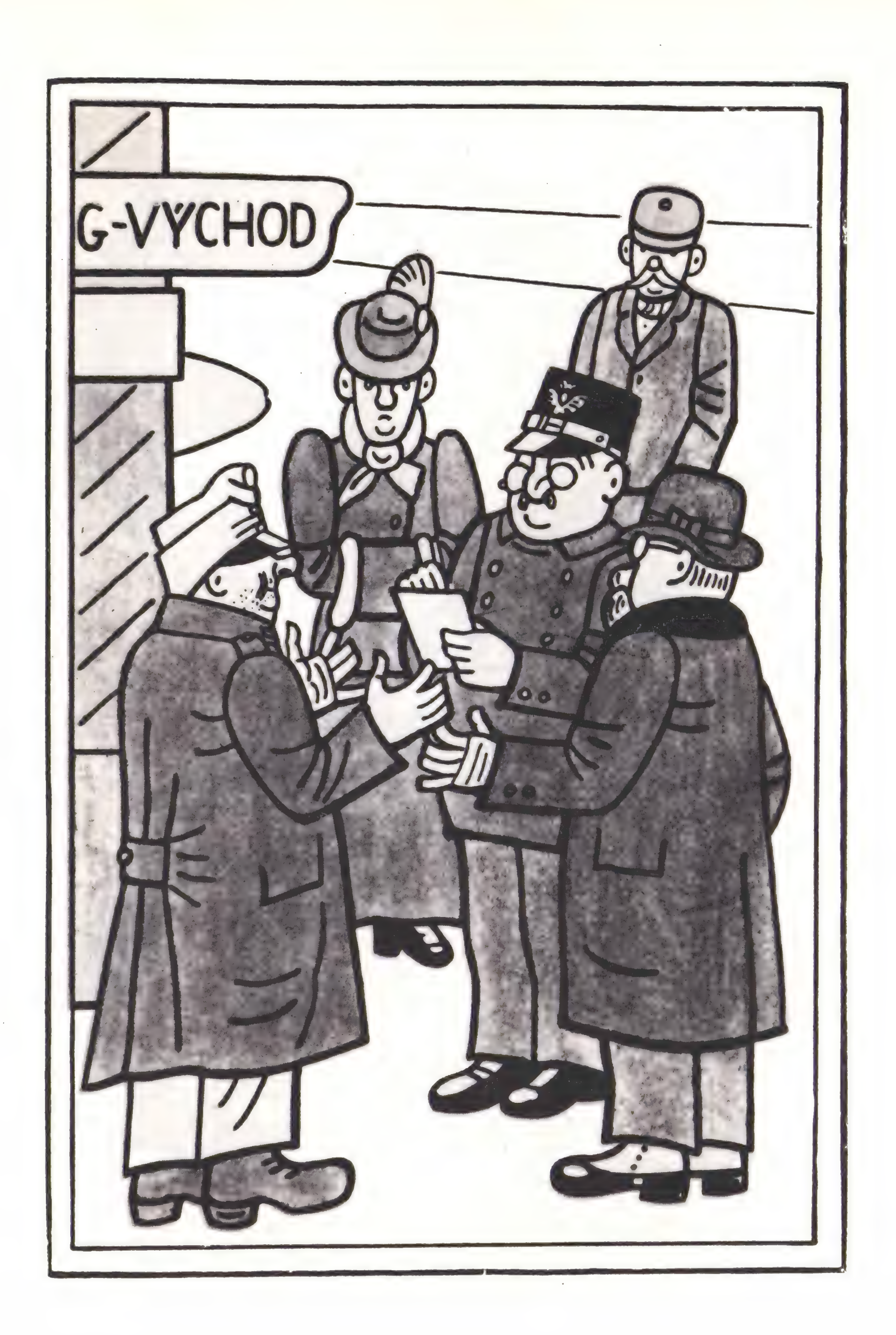
65. Вольноопределяющийся Марек

66. Кадет Биглер

67. Подпоручик Дуб

68. Капитан Сагнер

69. На границе

70. Швейк и пани Мюллерова

71. Венгерские солдаты ведут Швейка

JAROSLAV HAŠEK:

PRŮVODČÍ CIZINCŮ

Nakladatel ADOLF SYNEK, Praha VII. 985.

72. Обложка к сборнику новелл Я. Гашека «Гид для иностранцев», 1925

73. Вечеринка в корчме, 1924

74. За пивом, 1932

75. Свежевание туши, 1935

76. Зимние радости, 1935

77. Ночной сторож, 1938

Jos. Lada

78. Осень, 1940

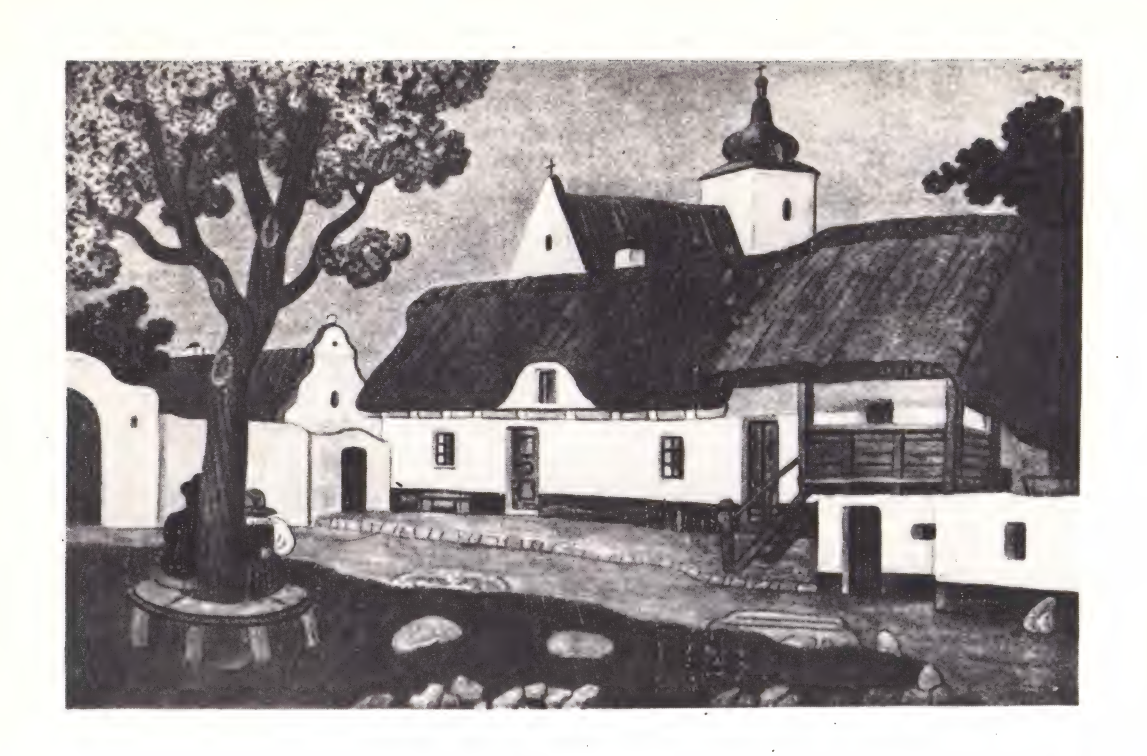
79. Весна, 1944

80. Зима, 1951

81. Лето, 1951

82. Майская ночь, 1944

83. Весна в Грусицах, 1946

Jos. Lada
46.

84. Девочка, пасущая гусей, 1946

85. Три волхва, 1948

86. Коляда, 1947

87. Перед грозой, 1948

Jos. Lada
48.

Jos. Lada
48.

88. Рождественской ночью, 1948

89. Зимою в полночь, 1951

90.. «Черт и Кача»

91. Времена года. Зима и весна, 1947

Jos. Lada

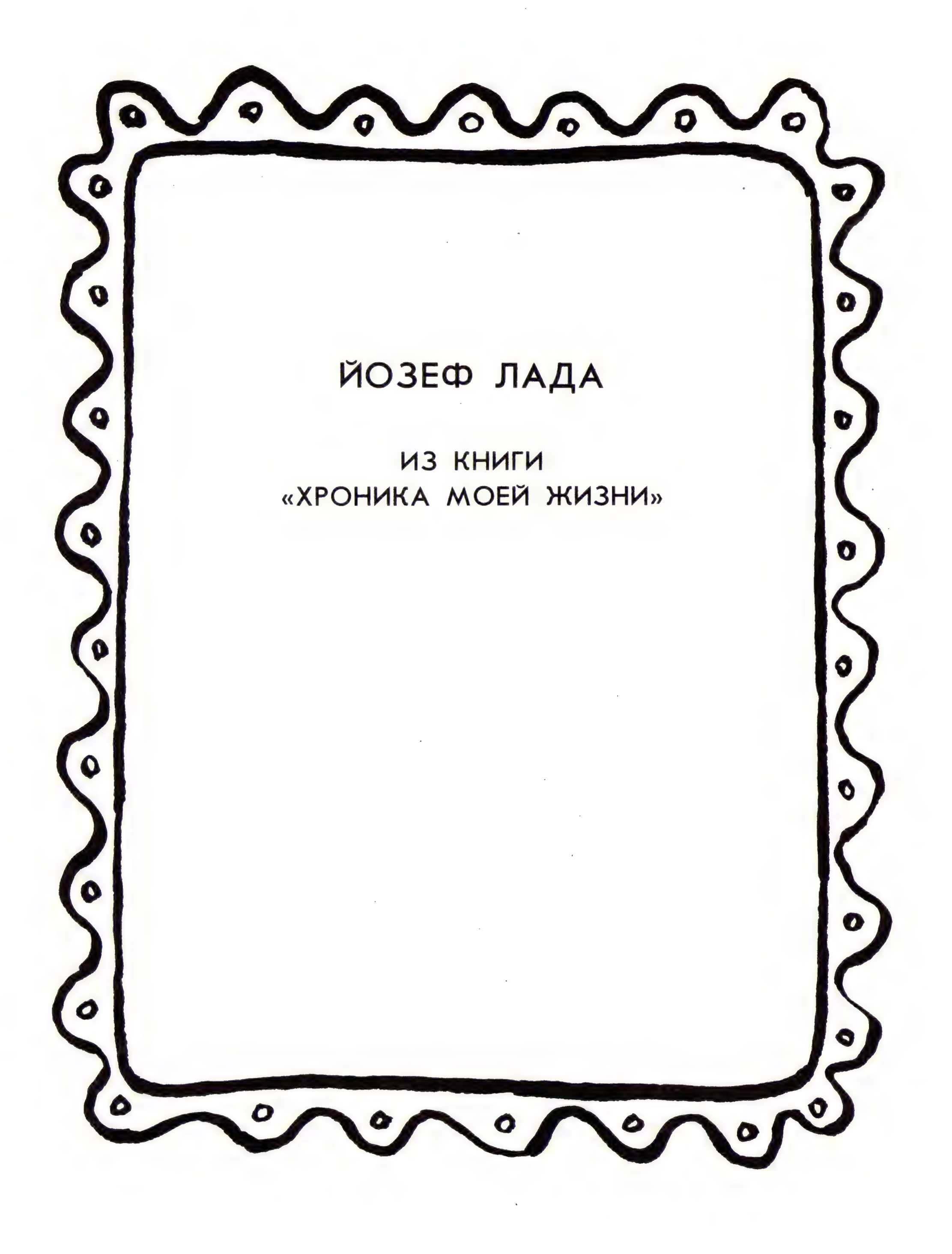

92. Времена года. Весна

93. Времена года. Лето, 1947

ЙОЗЕФ ЛАДА

ИЗ КНИГИ «ХРОНИКА МОЕЙ ЖИЗНИ»

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

В 1919 году вышла моя четвертая книжка для детей под названием «Волчья свадьба». В ней было двадцать четырехцветных рисунков из жизни животных. Стихи к рисункам я взял из «Сборника народных песен и поговорок» К. Я. Эрбена. Их содержание очень подходило для иллюстраций, но стихи были уж слишком простонародными — корявые, местами недостаточно понятные из-за стремления говорить «господским» языком. Поэтому я попросил издателя отдать стихи в переработку. Однако издатель пожелал сохранить их первоначальное, народное звучание. И стихи остались как пример народного стихосложения, но дети плохо понимали их и не заучивали наизусть. Для второго издания я попросил их переработать в стиле уже более доступном для детей. Оригиналы рисунков являются собственностью «Модерни галерие».

В том же году я выпустил у Б. Кочи пятую книжку с рисунками для детей под названием «Мир животных». Стихи к картинкам написал Петр Кршичка. Звери были изображены в соответствии с приписываемыми им хорошими или плохими качествами. Их жизнь была представлена как жизнь людей разных профессий и сословий. Один рисунок мне все-таки хотелось бы исключить из будущих изданий: волк подстерегает овечку. Этот рисунок как-то нарушает общий доброжелательный тон книги, и впечатлительные дети его не любят; рассматривая книгу, они закрывают картинку.

Книжка с рисунками — не минутный каприз ребенка, как полагают некоторые родители. Ребенок пользуется ею точно так же, как одеждой или обувью, пока совершенно ее не разорвет. Взрослый человек обычно перелистает книгу один раз — и на этом кончает. А ребенок вновь и вновь к ней возвращается, повсюду носит книгу с собой, многие дети даже ложаться спать с любимой книжкой. К человечкам или зверюшкам такой книги дети относятся как к настоящим, живым друзьям. Одна совсем маленькая девочка так любила зверей в своей книжке, что даже кормила их кашей. Когда она сама уже была сыта, она брала ложку и перед каждой зверюшкой клала на страницу немножко оставшейся каши. Разумеется, в конечном счете книжка и выглядела соответственно — она скорее годилась для кладовки, чем для библиотеки. В своей

Главы из книги Й. Лады «Хроника моей жизни» печатаются с некоторыми сокращениями; к ним присоединен отрывок его статьи «Как я иллюстрировал Швейка», сопровождавшей издание «Бравого солдата Швейка» 1955 года.

Переводы: из книги «Хроника моей жизни» — А. А. Зайцевой под редакцией С. П. Свяцкого, из статьи «Как я иллюстрировал Швейка» — О. Н. Свидерской.

буйной фантазии и жажде движения ребенок связывает ритм поговорок и песенок с картинками и настолько сильно все переживает, что мы с нашим трезвым умом взрослых не можем себе этого даже представить. Книжка с картинками, отвечающая склонностям и стремлениям ребенка, становится частью его жизни, оказывает огромное влияние на его эмоциональный мир, обостряет его способность к наблюдению.

Двухлетняя девочка нараспев произносит стихи, которые ей уже известны; она по-своему воспринимает каждую зверюшку, нарисованную в книге, ничего не пропустит, всем дает ласковые имена. Иногда рассматривание иллюстрированной книжки кажется родителям слишком долгим. Они пытаются обмануть ребенка, чтобы, наконец, освободиться, и разом переворачивают несколько страниц. Ребенок тотчас это замечает и заливается горьким плачем. И родителям не остается ничего другого, как вернуться на прежнее место, но теперь и этого уже недостаточно. Ребенок принимается рассматривать книжку с самого начала. Девочка читает наизусть родителям стишки, и, в конечном счете, все занимает в два раза больше времени. Ребенок ни за что не уступит. Он серьезно, словно к своей обязанности, относится к чтению книжки. Так, незаметно, он учится делать все по-настоящему, не кое-как. Ребенок срастается с любимой книжкой. Он сразу реагирует на любую ложь и несправедливость, любит в книжке чуткость, добросердечие, а главное — всегда хочет, чтобы конец был хорошим. Ведь известно же, что некоторые дети еще до начала рассказа просят, чтобы он благополучно окончился, или заставляют рассказчика плохой конец заменить на счастливый. Поэтому я обычно больше считался с мнением детей, чем с замечаниями взрослых. Я всегда обращал внимание на то, что говорили дети о моих рисунках, что им не нравилось и почему не нравилось, и стремился в дальнейшем удовлетворять требования, вкус и запросы ребенка. Исходя из собственного опыта, я считаю, что иллюстратор детских книжек не должен пренебрегать мнением ребенка о своих рисунках. Наоборот, со всей серьезностью он должен интересоваться этим мнением и стремиться исправить то, что мешает ребенку. Для такого суждения у меня есть веские основания.

Рисунки в детских книжках всегда должны быть цветными, потому что ребенок очень любит краски, но не кричаще-пестрыми. Желательно, чтобы иллюстрации были плоскими, не слишком прорисованными, выдержаны в светлых, свежих тонах.

Рисунки в детских книжках должны быть только веселыми, потому что ребенок полон смеха и радости и очень благодарен за любую возможность их проявить. А хорошее настроение, как известно, — половина здоровья! Нарушение пропорций в рисунках должно быть добрым и благожелательным, а не резким, грубым и злым. Выражения лиц тоже должны быть добрыми, приветливыми, а отнюдь не сердитыми, наводящими ужас. Об этом я также сужу на основании личного опыта.

Первые цветные картинки, которые я увидел в детстве, были, к сожалению, игральные карты. Зимой, в это спокойное время года, они постоянно лежали на столе, чтобы в любой момент можно было сыграть «в дурака». Я хорошо помню, что они сразу, с первого же взгляда понравились

мне пестротой красок, любопытными деталями. День ото дня с неослабевающим интересом рассматривал я карты, но стоило мне дойти до туза пик, который был изображен в виде жуткого чудовища, как я спешил перевернуть карту, чтобы его не увидеть. Чудовище так сильно действовало на мое воображение, что я даже боялся оставаться дома наедине с этим тузом пик. Дети мечтают о светлом, радостном, добром и справедливом. Они тяжело переносят печальное и страшное, все, что связано с разрушением или смертью, даже в том случае, если это всего лишь рисунок. Ведь у ребенка настолько живая фантазия, что он не видит различия между подлинным явлением и рисунком.

Мне приходилось наблюдать, насколько силен дух справедливости даже у трехлетнего ребенка. Каждый раз, когда мальчик брал в руки свою любимую книжку, где на обложке был изображен черт, дразнивший козу, малыш неизменно упрашивал черта: «Черт, оставь козу!» На картинке, где волк подстерегает за деревом овечку, которая, ничего не подозревая, идет по тропинке в город за покупками, мальчик закрывал ручонкой волка и умоляюще говорил: «Убегай, скорее, глупая, убегай!» Фантазия у ребенка так развита, что он пытается засунуть в рот нарисованные яблоки, гладит и нюхает цветы на картинках.

Ребенок бесконечно любит разных зверюшек, подражает их голосам. Любопытно, что он проявляет бо́льший интерес и влечение к миру животных, чем к людям. Наверное потому, что люди похожи друг на друга, а звери так разнообразны. Как сильно отличаются и своими размерами, и самим видом лошадь, гусь, рыба и бабочка! Как разнообразны их движения, звуки, которые они издают!

Дело не только в самих рисунках, но и в том, как ребенок их воспринимает, какой смысл в них вкладывает. Рисунок становится импульсом для развития его фантазии и самостоятельного творчества. То, что нам, взрослым, кажется обычным — для детской души является волшебно-прекрасным, настоящим открытием. Рисунок прежде всего оказывает воздействие на воображение ребенка, и ребенок, взволнованный картинкой, смотрит на мир, воссозданный на рисунке, как сквозь магический кристалл. Рисунок развивает детскую фантазию, он побуждает ребенка к движению, игре, подражанию, театральному представлению. Ребенок охотно все инсценирует, он так ярко видит события в книжке с рисунками, что претворяет их в жизнь. Еничек — мальчик двух с половиной лет может пересказать всю иллюстрированную книжку с ее стишками и, если ему потребуется, вовлечь в эту игру и семью. Понаблюдаем за ним: он взваливает на спину подушку, изображающую мешок с мукой и, сгибаясь, словно под тяжестью, с трудом ходит по комнате. Мама встает в угол, хлопает в ладоши и произносит в ритм шагов Еничка:

Вот Гонза идет,
у него муки мешок,
Мама весело поет —
Испечем пирог!

Как бы по мановению волшебной палочки подушка превращается в волынку. Отец садится на стул, берет подушку, приминает ее и подра-

жает игре волынщика. Еничек прячется за шкаф, так что видна только голова — как на картинке! — и кричит волынщику:

Эмане, Эмане,
Вот уж мама у дверей,
Прячь волынку поскорей.

А отец-волынщик громко отвечает:

Прятать я ее не стану
И играть не перестану!

И продолжает весело играть. А потом Еничек берет досочку и водит по ней рукой, как будто играет на контрабасе. Тут вся семья должна сбежаться из комнат и подражать лаю собак. Только кто-нибудь один отходит в сторонку, словно зритель, и произносит:

Вашек, Пашек, наш горнист,
Стал совсем контрабасист,
Когда на площади играет —
Всех собак он собирает!

Большое счастье для маленького Еничка, что его родители и родственники так охотно участвуют во всех играх. Ведь совсем не трудно поиграть с ребенком, а для него это огромная радость, за которую он очень благодарен. Просто даже не верится, до чего легко иногда доставить ребенку удовольствие и насколько велика ошибка, когда это не делается.

В книжке с рисунками ребенок любит все живое, все, что двигается и издает звуки. Людей, зверей, птиц, машины, поезда, пароходы, сани, качели. Ребенок предпочитает движение покою. Для него интереснее человек, который идет, бежит, танцует; животные — в прыжке, беге; птицы — в полете. Все, что выражает какое-нибудь действие, работу или процесс, который можно воспроизвести. Дети бесконечно любят ритм любого такого действия, возможность игры и многократного повторения движения, изображенного на картинке. Рисунок, способный вдохновить ребенка на активное действие, игру или подражание, становится для него самым дорогим, лучше всего воспитывает его. Двум моим дочерям достаточно было один раз прочесть:

Дядя Нимра лошадь выбрал
За четыре талера,
Тетя дядю смеха ради
С ней плясать заставила!

И они сразу всю эту историю разыграли. Аленка пошла в соседнюю комнату «на ярмарку», а младшая, Евичка, усевшись на низкую скамеечку, делала вид, будто мелет кофе на кофейной мельничке. А когда дядюшка Нимра вернулся домой с лошадью (Аленка тащила за собой медведя на веревочке), Евичка, жена дядюшки Нимры — отложила воображаемую кофейную мельницу, и девочки в обнимку принялись танцевать по комнате. Стихи в книжке с картинками должны вызывать у ребенка не только веселое настроение, они могут и облагораживающе влиять на его внутренний мир.

Признаюсь, я всегда с большим удовольствием видел свои книжки у детей сильно потрепанными, с оторванными углами, измазанными. Если книжка хорошо сохранилась, сразу ясно, что она или не интересует детей, или же родители приберегают ее на будущее, к тому времени, когда дети подрастут, станут поумней и научатся бережно обращаться с книгой. Точно так же я никогда не был расстроен, если видел, что дети, вырезав из моих книжек фигурки людей и животных и наклеив их на картон, играют в театр. Это лишь доказывает, что дети по-своему умели оживить эти фигурки. Они сходили с картинки и обретали подлинное движение и действие.

Неправильно рассматривать книгу с картинками, как предмет роскоши, и покупать детям в качестве подарка лишь сугубо практические вещи: чулки, шапочки, теплое белье. Ребенок прекрасно знает, что подобные предметы — не подарок и что родителям все равно пришлось бы их купить. И на всю жизнь у ребенка остается горькое чувство, что он был обманут. Книжки с рисунками открывают ребенку представление о более прекрасном мире, они показывают, какой должна быть жизнь. Иногда книга настолько взволнует и очарует ребенка, что под ее влиянием у него формируются первые идеалы. Книжки с рисунками становятся нашим первым детским увлечением, они настолько сильно врезаются в память, что и в более зрелые годы мы охотно возвращаемся к ним в воспоминаниях и лишь тогда с благодарностью осознаем влияние книги на всю нашу жизнь. Было бы хорошо, если бы родители сохраняли своим детям на память потрепанные книжки с рисунками, как сохраняют первые туфельки или шапочки. Родители не должны жалеть денег на книжку с картинками, с помощью которой они могут украсить детство своего ребенка. Он всю жизнь с благодарностью будет об этом помнить. Ведь счастливые мгновенья детства — самые прекрасные, они оказывают наиболее сильное влияние на все, что приходится пережить человеку за его подчас довольно тяжелую жизнь.

О ЧЕШСКОМ ЮМОРЕ

Веселье — половина здоровья, гласит наша старая пословица, и мы должны верить ей — ведь пословицы отражают многовековой опыт. А для того, чтобы сохранить здоровье полностью — опять-таки в соответствии с пословицей, — нужна еще и чистота. Вот и выходит — тот, кто соблюдает чистоту и сохраняет всегда хорошее настроение, — постоянно пребывает в добром здоровье! А поскольку хорошее настроение большей частью обусловлено веселой шуткой, юмористы должны были бы причисляться к таким же полезным членам общества, как и лучшие врачи.

Склонность к юмору люди проявляли еще до всемирного потопа. Я даже нахожу, что они чересчур много шутили, раз господь решил несколько охладить расшалившееся человечество и наслал на него потоп. Из Библии нам известно, что даже Хаму, сыну Ноя, было присуще чувство юмора, правда, несколько своеобразное. Прежде критика не

признавала юмористическую литературу художественной, хотя юморист должен обладать гораздо большей душевной гибкостью и вдохновением, чем создатели просто реалистических произведений. Нет необходимости доказывать, что юмор является весьма ценным элементом литературы. Достаточно вспомнить прославленные книги, сохранявшие свое значение на протяжении столетий: «Дон Кихот», «Путешествие Гулливера», «Пиквикский клуб». В сущности, это сатирические книги. Когда-то, наверное, у каждого народа был свой оригинальный юмор, и юмор одного народа был совсем не похож на юмор другого. Однако теперь юмор и шутки у всех наций почти одинаковы, уже хотя бы потому, что журналы всего мира предпочитают печатать иностранный, а не свой собственный юмор.

Хорошая острота за короткое время облетает журналы всего мира. Я убедился в этом, когда в качестве редактора юмористического журнала искал в иностранных журналах юмор для перевода. Выписывая американский «Джадж», я часто встречал там материал, преподносившийся как совершенно новый. А у нас те же самые остроты считались старыми и затасканными. Время от времени я даже сталкивался со своими собственными шутками, помещенными в английских, французских, испанских, шведских и итальянских журналах.

В отношении старых острот я придерживаюсь взгляда, что лучше публиковать хорошие, хоть и старые, чем более новые, но слабые. Вместе с тем нельзя делать это так часто, как, например, французский журнал «Ле рир», публикующий одну и ту же шутку, скажем, трижды в год. Впрочем, я слыхал от хорошего знатока юмора, что наилучшие остроты — это старые, еще более старые и совсем, совсем старые.

Впрочем, сказать про какую-либо остроту, что она хороша — невозможно, точно так же, как нельзя оценить то или иное кушанье: все зависит от вкуса. Один громко смеется над анекдотом, который другому покажется скучным, глупым и непонятным. Как редактор я испытывал большие затруднения, сталкиваясь с проблемой вкуса. Кое-кто из читателей жаждал пикантных шуток, но горе, если я в конце концов что-нибудь такое печатал. Моментально педагоги, отцы и матери засыпали меня письмами протеста, требуя, чтобы я не развращал молодежь... Всех невозможно было удовлетворить. Одни жаловались издателю, что журнал слишком безнравственный. Как только устранялся этот недостаток, сразу принимались жаловаться другие — журнал, мол, скучен.

Взгляд, что все чужое — лучше, распространился и на юмор. Как правило, иностранный юмор публиковался без промедления. И читатели, и редактор исходили из ошибочного представления о том, что в иностранных журналах юмор намного лучше. Сотрудничая в «Лидовых новинах», я как-то принес в редакцию несколько юмористических рисунков со своими подписями. Случилось так, что я не успел показать их сразу. Пока мы с редактором говорили о каком-то недавнем событии, он просматривал новые газеты и журналы. Вынув из конверта французский журнал, он бросил взгляд на страницу, где печатался юмористический рисунок с текстом, и внезапно разразился громким смехом. Постукивая пальцем по рисунку, он сказал мне с упреком:

«Вот это юмор! Ни у кого из вас ни на что подобное пороху не хватит! И как злободневно — ведь это же произошло всего несколько дней назад!»

Я ничего на это не ответил, просто вынул рисунки и один из них положил на стол. Он посмотрел и густо покраснел. Это была та же острота, почти слово в слово. А все потому, что данное событие и не допускало другого юмористического воплощения. Придумать карикатуру в данном случае было несложно, все зависело от того, кто раньше ее напечатал. Меня интересовало одно — что сказал бы редактор по поводу моего юмористического рисунка, прежде чем он увидел иностранный журнал? Очевидно, ничего. Хуже всего было работать с редакторами, у которых отсутствовало чувство юмора. Вероятно, это то же самое, что слушать, как поет человек, лишенный музыкального слуха. Ознакомится такой редактор с юмором, даже бровью не поведет, не улыбнется, разве что в лучшем случае скажет: «Очень слабо!» Однажды я такому «ценителю» недели через две снова предложил отвергнутый юмористический рисунок — и, пожалуйста! Он принял его с одобрением, даже восторгом: «Очень тонко и остроумно! У вас все должно быть таким же!» Еще больше затруднений было с хозяевами и директорами издательств. Я как-то работал в издательстве, где редакторы сменялись так часто, насколько это позволял срок договора. А я продержался там пять лет! Однако издателю начало казаться, что журнал стал вялым и бесцветным. Полагая, что я переутомился, он прикрепил ко мне в качестве помощника младшего редактора из другого отдела своего предприятия. К счастью, это оказался бывалый парень и он предложил мне:

«Слушай, я ни во что не стану вмешиваться, но и для журнала давать ничего не буду, потому что мне придется делать это просто так, из усердия, бесплатно. А ты зато не выдавай меня и говори, что я тебе как следует помогаю!»

Я продолжал и впредь работать один, а примерно через месяц издатель с одобрением заметил:

«Уже намного лучше, да, да! Последние номера стали гораздо интереснее! Сразу видно, что влилась свежая сила!»

Я не стал его разуверять.

О том, как читатели реагируют на юмор, можно было бы написать целую книгу. Некоторые политические корпорации считали себя такими значительными, что не допускали ни малейшего иронического намека и за любую шутку требовали от издательства многостороннего удовлетворения: во-первых, солидной компенсации; во-вторых, публикации пространной статьи в ближайшем номере на первой странице, причем предлагалась и тема — о культурной и тому подобной миссии этих ничтожных людей; в третьих — редактора выгнать в шею. А какая-нибудь другая корпорация угрожала, что 50000 ее членов немедленно выйдут из политической партии, которой принадлежал этот журнал, если они станут объектом сатиры.

Однажды со мной произошла следующая история. Я опубликовал юмористический рисунок с подписью: жена упрекает мужа за то, что он не

выполнил обещания и не заказал для нее у портного из старого меха — новую шубу! Не помню уж, что ответил муж, но зато я получил резкое письмо от скорняка из Градца Кралова, в котором он зверски меня изругал. Во-первых, заявил он, я совершенно не знаком с ремесленным уставом, ведь портной не имеет права шить меховую шубу, поскольку эта работа является привилегией скорняков. С его точки зрения, безобидная шутка была безобразием, неуместной рекламой; а в заключение он еще высказал подозрение — уж не подкуплен ли я портными! Это меня только насмешило. Но в душе появилась горечь, когда после опубликования юморески, в которой говорилось о мельнице, перемалывающей старых бабок в молодых девушек, я получил письмо, написанное дрожащей рукой и оканчивающееся словами: «Разве у вас не было старой матери?»

Известно, как живо реагируют люди на фамилии, опубликованные в газете в связи с каким-нибудь неблаговидным поступком. Стоило опубликовать, что Антонин Неснидал учинил дебош, как на следующий же день в редакции появлялся Франтишек Несвачил и требовал поместить опровержение — он, мол, не имеет ничего общего с хулиганом Антонином Неснидалом, а в случае отказа он грозил разнести редакцию.

Обычно было не так сложно придумать шутку, как фамилию, которой никогда не существовало. Иногда всплывали даже самые забавные фамилии. Одно время я публиковал юмор, используя имена à la Пуцпатек, Вртихвост, Брндил, Мастикулка, чтобы наверняка никого не задеть. Но это не понравилось некоему Пострaху, который выразительно посоветовал мне бросить наконец свои затеи с дурацкими фамилиями. А когда в дальнейшем я стал использовать в каждой шутке фамилию Пострах, ему это опять-таки не понравилось.

На основе многолетнего опыта могу сказать, что рядовым чешским читателем с трудом воспринимается юмор следующих типов: неаппетитные шутки, которых не приемлет желудок, пикантные остроты, излюбленные французами гиперболические построения, по существу невозможные в жизни.

В Чехии юмор оригинальный — крепкий, сочный, по-настоящему острый. Жаль только, что чешские юмористические журналы находились раньше в руках людей, не имевших ни малейшего представления о юморе. Однажды такой издатель-тугодум подыскивал нового редактора для своего сатирического журнала, но когда ему порекомендовали одного из наших лучших юмористов, он отверг его на том основании, что тот недостаточно серьезный человек, дескать, он — шутник!

Несомненно, источником подлинного юмора может быть только хорошее расположение духа! Так называемый юмор висельника — редкое исключение. Особенно важно, чтобы редакторы юмористических изданий были благожелательно настроенными людьми. Ведь остроты или подписи к юмористическим рисункам обычно придумываются в поте лица! Мне довелось познакомиться с кухней разных редакций. Я был связан с издательствами начиная с 1905 года и могу немало порассказать о том, в каких неблагоприятных условиях работали редакторы. Над изданием,

которое за границей готовят пять человек, у нас корпел один редактор, да еще ему постоянно докучал издатель, который уже в силу того, что он издатель, присваивал себе право во все вмешиваться, все безапелляционно критиковать и в самую последнюю минуту вносить трудно осуществимые и никому не нужные изменения. К тому же у издателя чаще всего чувства юмора не было ни на грош, и, оценивая юмористический рисунок, он проявлял полнейшее непонимание предмета.

Часто у издателя не было повода для придирок, но он на всякий случай травил редактора, чтобы тот не обленился! Издатель не знал или забывал о том, что своими придирками он отравляет работу и тем самым подрывает ее эффективность. Нельзя же, в самом деле, изобретать блестящие остроты в скверном настроении! Ну а издатель, как видно, полагал, что редактор, словно пекарь, катает и печет остроты или, быть может, вытряхивает их из рукава!

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

С Ярославом Гашеком я познакомился еще в 1907 году в типографии Эмануэля Стивина на Мысликовой улице. Там печатался журнал «Нова омладина», и Гашек, его редактор, держал корректуру. Я рад был с ним познакомиться. Однако вид Ярослава Гашека меня поистине разочаровал. И это автор прославленных рассказов? Я представлял себе по крайней мере Вольтера или Викторьена Сарду, а передо мной был молодой человек с маловыразительным, почти детским лицом. Я тщетно пытался подметить на его круглом лице характерные черты сатирика: хищный нос, тонкие губы, насмешливые глаза. Не слышно было и сардонического смеха. Гашек скорее производил впечатление заурядного, хорошо откормленного сынка из приличной семьи, который неохотно утруждает свою голову какими-либо проблемами. Почти женское, безусое, простодушное лицо, ясные глаза — все напоминало скорее наивного первоклассника, чем гениального писателя. Но так было до тех пор, пока Гашек молчал. Достаточно было любого, самого простого его замечания — всегда такого остроумного, оригинального и меткого, чтобы каждый сразу понял свою ошибку и безоговорочно признал: «Да, у тебя, голубчик, действительно, семь пядей во лбу!»

Я не собираюсь пускаться в какие-либо психоаналитические рассуждения о Гашеке. Во-первых, у меня на это не хватит сил, а во-вторых, во время наших встреч я никогда не пытался обнаружить в тайниках гашековской души корней его юмора, я всегда принимал его таким, какой он есть... Брет Гарт где-то утверждает, что все оригинальные натуры уважают и притягивают друг друга, ну а я себя в те времена тоже считал большим оригиналом и поэтому потянулся всей душой к Гашеку. Я очень страдал, когда он подолгу отсутствовал, — на меня часто нападала меланхолия и его шутки мне были необходимы, как воздух. В то время Гашек еще жил у своей матери на Виноградах. Я навестил его там однажды, и, насколько помню, мое внимание в семье Гашеков

привлек огромный толстый черный кот Бобеш, который имел обыкновение лежать на самом верху стоячей вешалки. Конечно, это было очень неудобное место для спанья, и эксцентричный кот там устраивался, несомненно, только из жажды быть оригинальным. Зато Гашек относился к нему с почтением и, если не ошибаюсь, даже говорил ему «вы». Второе, что мне понравилось, была визитная карточка на дверях. Демонстрируя поистине спартанскую простоту, она была проявлением абсолютного равнодушия к мнению других жильцов. На ней стояло: «Семья Гашеков». А ведь отец Гашека как-никак был учителем гимназии...

Это был мой первый и единственный визит к Гашекам. Потом уже только Гашек навещал меня. Он несколько раз заходил ко мне в гости на Вышеградский проспект, а когда в 1908 году я переехал на Дитрихову улицу, он время от времени жил у меня, пока его не призвали в 91-й будейовицкий пехотный полк, знаком отличия которого были ярко-зеленые петлицы. Наша совместная жизнь прерывалась по разным причинам: то он был где-нибудь редактором, обыкновенно на полном обеспечении, или, как говорил сам Гашек, «натуральном содержании», то уезжал с З. Кудеем, то предпочитал моему жилью кров другого приятеля просто для перемены обстановки. Я всегда приветствовал его появление, как возвращение блудного сына, и радовался, что мы снова вместе. А затем через некоторое время он опять внезапно исчезал, не объясняя причин, даже не ставя меня об этом заранее в известность.

Его возвращение обычно выглядело следующим образом: он звонил и когда ему открывали, придерживал дверь так, чтобы оставалась узкая щель, затем просовывал в нее палку и произносил умоляющим голосом: «Вот я, бей меня, пока рука не устанет, бей не жалея!» Отлупить его я, разумеется, не мог — мешала дверь, которую Гашек крепко держал, да я этого все равно никогда бы не сделал. Однако манера Гашека возвращаться явно ввела в заблуждение Э. А. Лонгена, решившего, что я корректировал палкой неупорядоченную жизнь Гашека. Он написал об этом в статье «Из дней богемы»:

«Наибольшим влиянием на Гашека пользовался художник Йозеф Лада, принявший на себя труд сделать из Гашека порядочного человека, первейшей нравственной обязанностью которого было бы: ночью спать, а днем работать. В то время Лада был человеком невзрачным и тщедушным, и казалось просто невероятным, что могучий Гашек не противился пинкам и колотушкам, которыми его потчевал Лада за его поведение. В этом есть нечто загадочное. Возможно, у Гашека была потребность время от времени кому-то покаяться. Он кротко подставлял свои толстые щеки и спину Ладе для побоев и покаянно вздыхал: Правильно делаешь, Пепичек! Бей, да не промахивайся! Наказав Гашека, Лада заставлял его работать. Гашек мыл пол, готовил, убирал, а потом, пристроившись в уголке, писал рассказы. А Лада стоял над ним, как надсмотрщик над рабом, и приговаривал с угрозой: С тобой только так и можно, прохвост! Не хочешь по-хорошему, изобью так, что живым не останешься!» И далее Лонген продолжает в том же духе. Впрочем, ничего загадочного тут нет. Все — сущие

выдумки Лонгена, постаравшегося приукрасить свою статью. Все с самого начала и до конца — ложь. Никогда в жизни я не поднял руки на Гашека, наоборот, он сам однажды влепил мне затрещину. Этим я, разумеется, отнюдь не собираюсь хвастаться...

Сначала на Дитриховой улице у меня была только комната, и Гашек лишь изредка заходил ко мне — просто в гости или с материалами для «Карикатур», редактором которых я был. Моим квартирантом он стал позднее, просто потому, что ему негде было жить. Обстановка у меня после переезда была очень убогая — стол, стулья, этажерка для книг и старая, обитая клеенкой кушетка. Только позднее, когда я приобрел еще и кровать, Гашек мог время от времени оставаться у меня на ночь. В моей комнате, собственно, и размещалась редакция «Карикатур». Сюда приходили многие сотрудники: художники Наске, Венциг, Вирер, словенец Тратник и писатели, из которых самым плодовитым был Гашек. Для посетителей у меня в шкафу всегда стояла бутылка ликера, коньяка или рома для «свободного» употребления. Многие прямо наливали себе без приглашения, рассматривая бутылку как один из атрибутов редакции, а Гашек, вообще пренебрегавший условностями, всегда пил прямо из горлышка. Он потрясающе разбирался в спиртных напитках: делал, например, глоток из откупоренной бутылки рома и тут же говорил, сколько она примерно стоит.

Однажды я над ним слегка подшутил: в бутылку из-под рома налил воды и поставил ее на обычное место. Пришел Гашек, сразу же схватил бутылку и, ничего не подозревая, основательно приложился к ней. Я ожидал, что он, по меньшей мере, свернет мне шею, но беднягу, видимо, покинули силы. Он побледнел, дрожащей рукой поставил бутылку на пол, где, по его мнению, ей только и было место, и направился к двери. Прежде чем закрыть ее за собой, он повернул ко мне бледное, вспотевшее от страдания лицо и с убитым видом промолвил:

«Ты не должен был так со мной поступать!»

В ту минуту я подумал, что Гашек не сможет пережить подобного потрясения, но его здоровая натура превозмогла даже этот предательский удар. Спустя неделю Гашек снова был настолько бодр, что вместе со мной сочинял оперу. Мы устраивали вечеринку, стремясь в первую очередь позаботиться о духовных наслаждениях. Предстояло сочинить оперу; быстро, без проволочек. Нам некогда было размышлять — захватит либретто публику или нет. Опера создавалась в честь Насковой из Национального театра, и нам очень хотелось, чтобы все было как можно удачнее. Гашек диктовал либретто, а я каждую фразу тут же исполнял на губной гармошке. Тема оперы — «Колумб открывает Америку» была предложена кем-то из гостей. Если принять во внимание, что Гашеку пришлось диктовать столь сложное либретто без предварительной подготовки, без изучения документов эпохи, то мы должны снять шляпу перед подобным подвигом. Но если учесть, что я должен был тут же сочинять музыку на фразы, продиктованные Ярославом Гашеком, у которого совершенно отсутствовал музыкальный слух и который исполнял четыреста чешских, немецких, русских и венгерских песен на один лад, то передо мною вы должны были бы не только

снять шляпу, но и преклонить колена. Опера начиналась словами Гашека:

«Колумбу взбрело в голову открыть Америку. Но Фердинанд и Изабелла плюют на какую-то там Америку и не хотят дать на это дело ни гроша. Колумб настойчиво их уговаривает, наконец ему удается вырвать у них три рассохшиеся каравеллы. Колумб пускается в плавание по безбрежному океану». Таково было первое действие. А я должен был мгновенно каждую продиктованную фразу исполнить на губной гармошке, не прибегая к испытанным средствам вдохновения, каковыми являются, например, рокот горного потока, ритмическое постукивание колес или запах гнилых яблок, начисто отсутствовавших в тот миг под рукой, — причем музыка должна была до тонкости выразить все нюансы. Жаль, очень жаль, что тогда никому не пришло в голову положить музыку на ноты. Я и сейчас верю, что оперу непременно стали бы передавать по радио, и мысленно даже слышу голос знакомого критика, который, дотошно анализируя сочинение, с восторгом восклицает: «Да, подчеркнуто дисгармоничные звуки удивительно точно передают чувства Изабеллы, визжащей, что на открытие Америки она не даст ни гроша».

Второе действие было не менее драматично. Выяснилось, что на судах нет ни капли рома. Матросы бунтуют, несколько человек в наказание выброшены за борт. У Колумба скверное настроение, он никак не может открыть новую землю и в знак протеста не желает больше менять белье. Новый бунт— и опять несколько матросов брошены за борт. Кто-то кричит: «Земля, земля», но, оказывается, это мистификация. Колумб начинает богохульствовать... И тут я как композитор потерпел фиаско. Отрывок «Земля, земля» я исполнил с таким подъемом, что едва не проглотил гармошку, но тема «Колумб начинает богохульствовать» вышибла меня из седла.

Собственно, это была месть Гашека за воду в бутылке. Он отомстил мне, когда я менее всего этого ожидал, и выставил меня на посмешище перед всей честной компанией. Он доказал, что даже мой колоссальный музыкальный талант имеет свой предел.

Я прожил почти шесть лет в этой комнате. Потом мой заработок настолько возрос, что я смог снять в том же доме, но этажом ниже, отдельную квартиру, состоящую из комнаты, кухни и ванной, и теперь ко мне не требовалось уже звонить два раза, как раньше. Кухню я безвозмездно предложил Гашеку для постоянного жилья, но в то время он отверг мое предложение, гордо заявив, что получил место редактора в журнале «Мир животных», где ему предоставлялся также стол и квартира. До этой поры Гашек существовал лишь на гонорары за свои бесчисленные, без труда создававшиеся им юморески. Для удовлетворения его скромных потребностей этого вполне хватало. Теперь я уж и не знаю, какие выгоды он получал от своей редакторской должности, но хорошо помню, насколько оригинальными были условия работы у Фуша, издателя «Мира животных». Я расскажу о них кратко, ясно и во всеуслышание, как того неизменно требовал мой старый, добрый приятель — художник Ярослав Панушка. По словам Гашека, прежний редактор Гаек по-

лучил увольнение с условием, что вместо себя найдет опытного заместителя. Л. Гаек предложил Я. Гашека; так Гашек неожиданно стал редактором журнала «Мир животных» и управляющим псарней, которая также принадлежала Фушу. Поначалу Гашек был очень доволен местом. По крайней мере так можно было понять по его поведению, когда недели через две он пришел меня навестить. И вообще он там, видимо, жил припеваючи. Гашек с удобством расположился в плетеном кресле, отломил от него прутик и с такой шикарной небрежностью стал ковырять им в зубах, что я почувствовал себя растерянным. На вопрос, как он поживает, он ответил, что очень хорошо. Все в безукоризненном порядке — плата, квартира, питание, к тому же еще любезное обхождение.

«Вот только окно у меня в спальне всю ночь должно быть распахнуто настежь», — добавил он с неудовольствием. Дело было в январе, стояли жестокие морозы. Я решил, что это странная прихоть хозяина Гашека, и она меня порядком возмутила.

«М-да, но я соблюдаю надлежащую осторожность, — успокоил меня Гашек. — Я кладу перину и одеяло под себя, перину и одеяло на себя, три подушки под голову, на ноги натягиваю теплые носки, а кроме того, еще надеваю тяжелый овчинный тулуп!»

«Ну а какого черта окно всю ночь должно быть открыто?» — спросил я в негодовании.

«Осел! Да ведь иначе я бы там сдох от жары!» — ответил Гашек.

По правде говоря, трудно было что-либо понять.

Гашеку хорошо жилось у Фуша, но скоро ему надоела однообразная редакционная работа, и он попытался немного скрасить ее за счет своих друзей. Так, он опубликовал в «Мире животных» наивные стишки, что-то вроде: «Прыгал пес через овес» — и подписал их моим именем. Через некоторое время я обнаружил, что, сам того не подозревая, перевел какую-то естественно-научную статью с венгерского. На этом языке я знал только несколько обычных разговорных фраз, которым меня еще в детские годы обучил старый Лада-Угер у нас в деревне. Значит, новая гашековская проделка. Но частенько я бессовестно хвастался перед своими знакомыми этим переводом.

Однажды за обедом в ресторане «У Тайссигов» на Спаленой улице я заметил, что пожилой, солидный мужчина за соседним столиком смотрит на меня в упор. Едва я положил вилку и нож, как он подошел ко мне, представился, а затем спросил:

«Вы изволите знать пермяцкий — не так ли?» Я уставился на него, ничего не понимая, но потом сообразил, что пермяцкий — язык какой-то финской народности.

«Поистине исключительный случай, чтобы здесь, в Праге, кто-то овладел столь мало распространенным языком. Вы, наверное, единственный знаток во всей средней Европе. Я прилично знаю финский, а сейчас немного занимаюсь татарским. Но пермяцкий — это, поистине, редкость!»

Тут я начал бормотать, что это все-таки, вероятно, недоразумение, что я толком не знаю вообще ни одного иностранного языка, но мой новый знакомый даже не дал мне договорить:

«Вот уж неуместная скромность! Подобный факт должен стать широко известным. Вам больше не придется гнуть спину в каком-то захудалом журнале. Я ведь читал ваш перевод с пермяцкого в последнем номере «Мира животных!» — и он устремил на меня проникновенный, полный восхищения взгляд. Сначала я громко расхохотался, а потом покраснел от стыда за Ярослава Гашека. Я объяснил старому ученому, каким образом удостоился подобной чести.

В «Мире животных» Гашек, как я уже сказал, занимался всем, чем только можно, он был и редактором, и управляющим псарней. Он то писал «научные» статьи для журнала, то усмирял свирепых псов. Я сам однажды был свидетелем того, как он отчитывал какого-то непутевого пса. По слухам, Гашек даже подделывал собакам родословные...

Сочинение естественно-научных статей в соответствии с установленными редакцией нормами недолго занимало Гашека. Статьи о курином типуне, о том, как он возникает и как его нужно правильно лечить, чтобы при его удалении не погибла бы курица — все это, естественно, была работа не для его пера, привыкшего к юмору и свободе. Поэтому Гашек всячески пытался скрасить свое существование. Он развлекался тем, что искажал названия птиц, а потом ждал, как на это станут реагировать читатели. Вскоре он, действительно, стал получать много писем, в которых подписчики, разбирающиеся в естественных науках, величали его невеждой и другими именами еще похлеще. На подобные письма Гашек отвечал с большим остроумием, и оскорбленные читатели обращались потом уже прямо к издателю журнала. Старик очень сердился, ругал Гашека, и над тем постоянно висел дамоклов меч увольнения. Гашек только смеялся над Фушем за глаза и продолжал публиковать чепуху. Так, он поместил длиннющую статью о замечательном открытии праблохи и изложил вопрос столь правдоподобно, что редактор какого-то иностранного журнала в спешке, даже не задумавшись, возможен ли подобный факт, перевел ее и опубликовал. Материал перепечатали и другие издания, снабдив в ряде случаев оскорбительными или ироническими комментариями, и вскоре в естественно-научных журналах всего мира появились саженные полемические статьи о праблохе. Их редакции буквально засыпали «Мир животных» оскорбительными упреками. Некоторые даже советовали редакционному персоналу — взять да утопиться! Гашек был выгнан без соблюдения договорного условия: подыскать себе сначала преемника!

Так, в один прекрасный день снова приоткрылась дверь в мою квартиру, в щель просунулась увесистая палка Гашека, а сам он из-за двери попросил умирающим голосом: «Пепичек, вот я! Бей, пока рука не устанет!» Теперь для Гашека и кухня была хороша. Я дал ему старую кушетку, шкаф, стол и стулья. Правда, кушетка была уже изрядно потрепанной, с вылезшими пружинами, но новый жилец, словно лоцман среди скал, быстро нашел между торчащими пружинами удобное место, и спалось ему неплохо.

Как только Гашек поселился у меня, он вывесил на двери визитную карточку, большую, черную, в серебряной рамке, напоминавшую похоронное объявление. На карточке было выведено белыми буквами:

«Ярослав Гашек, писатель, отец нищих духом и дипломированный парижский прорицатель». Карточка была прикреплена на двери наискось, привлекая внимание жильцов и случайных посетителей. Ниже он еще приписал: «звонить два раза!» — это для того, чтобы его гости не беспокоили меня. Однажды кто-то позвонил три раза, и тогда Гашек пришел из кухни за мной в комнату. Я не понял, почему он ухватил меня за плечо и потащил к двери. Только там меня осенило: кто-то позвонил три раза, значит необходимо, чтобы мы шли оба, потому что, по мнению Гашека, неизвестный позвонил один раз мне, два раза ему, и, следовательно, три звонка предназначались для нас обоих. Оказалось, что это всего-навсего какой-то нищий, который названивал, добиваясь, чтобы ему непременно открыли.

Визит нищего породил у Гашека идею стать подлинным отцом бедных, и он начал готовиться к этому. Он принес из канцелярского магазина небольшую коробку с выдвижной крышкой и повесил на ней огромный, тяжелый замок от амбара. На коробку Гашек налепил лист бумаги с трогательной надписью: «Неужели у вас не дрогнет от сочувствия сердце, когда на рождество вы услышите за дверью детские голосочки: «С рождеством Христовым!» Он припас также большую торговую книгу, куда внес рубрики: дата, имя просителя, причины нищенствования, предоставленная сумма. Однако первый же нищий, завсегдатай соседней пивной, обратил в прах филантропические намерения Гашека и так взбесил его, что Гашек ликвидировал «кассу для бедных». Он хотел узнать у бродяги curriculum vitae,[1] причины нищенствования, а также выяснить, как тот намерен распорядиться дарованной ему суммой. Однако бродяга пришел в такую ярость, что едва не избил Гашека палкой. Бродяга вопил — он не собирается за какой-то вшивый крейцер декламировать стишки, сопровождая это пением и танцами. Кончилось дело тем, что я вышел на него со старой алебардой времен шведских войн. Только тогда бродяга удалился, изрыгая непристойную брань...

День у Гашека проходил примерно так: до часа дня он спал на кухне на старой кушетке, затем приходил в мою комнату поваляться еще на диване. Но тут он уже не спал, потому что время от часа до четырех было отведено для развлечений. Иногда Гашек пел мне, и я катался со смеху. Ведь у Гашека совершенно не было слуха... Или мы выдумывали новый, не существующий язык, которому можно было без труда выучиться... У нас были сотни изобретений, но, как уж бывает у легкомысленных людей, ни одно из них мы не предоставили в распоряжение человечества и не обратили в деньги. Однажды мы, например, договорились, что я буду бедным, а Гашек богатым, но жестокосердным крестьянином. У меня будет дочь, а у Гашека — сын, и эти двое так страстно полюбят друг друга, что ни за какие сокровища на свете не согласятся расстаться. Мы настолько глубоко вжились в роли, что более правдоподобно не могли бы вести себя живые герои в подобной жизненной ситуации. До поры до времени, покуда нам того хотелось, жизнь у нас была ничего, сносная, но однажды Гашек ворвался домой разъяренный, как лев,

---

[1] жизненный путь, поприще (*латин.*), здесь — средства существования.

и чуть было меня не избил! Оказывается, он услышал в винном погребке «На ружку», что его сын Вацлав во что бы то ни стало хочет жениться на моей дочери Анежке. Услышав это, он пулей вылетел оттуда! Гашек орал, что лучше шею свернет парню, чем даст разрешение на брак с подобной рванью. Он потребовал, чтобы я категорически запретил моей дочери бегать за его сыном. Естественно, я с негодованием отказался. С тех пор пошли такие ссоры, что явился сам хозяин дома и пригрозил выселить нас по суду. Из-за наших детей мы даже несколько раз подрались, чувств своих мы не скрывали — мы ссорились в кафе, да что там, ругались даже в трамваях. И только после того, как однажды кто-то из соседей прислал к нам полицейского, потому что Гашек кричал на улице, что скорее дом подожжет, чем примет мою дочь в семью, жестокосердный богач смирился и дал согласие на брак наших детей. Тогда на какое-то время снова наступили тишина и покой.

Парадоксально, но всякий раз, когда из-за отсутствия денег мы не могли пойти в кафе, мы принимались играть на большие ставки. У нас дома была куча желтых жестяных фишек, которые становились дукатами или луидорами, и мы азартно проигрывали головокружительные суммы. Ведь мы играли в «макао», а в него, уж поверьте, в одну минуту можно столько просадить! И конечно, мы постоянно были должны друг другу уйму денег! Наши отношения оставались корректными до тех пор, пока однажды Гашек не зашел так далеко, что публично попрекнул меня в винном погребке у Петршиков тем, что я должен ему пять миллионов золотых луидоров.

Гашек писал легко и быстро. Можно было сесть и подождать, пока он напишет юмористический рассказ. А писать он мог где угодно: в трамвае, в пивной, в кафе — какой бы там ни стоял шум. Ко всему прочему, он еще иногда занимался своеобразной литературной эквилибристикой. Я сам был свидетелем того, как однажды в кафе «Унион» Гашек сочинял какую-то юмореску и каждый из знакомых имел право за грош выдумать любое имя, какое Гашек сразу же в следующей фразе использовал без ущерба для содержания.

Когда он жил у меня, его рабочий день начинался с четырех часов дня. Гашек раз и навсегда сам установил для себя это время. И действительно, ровно в четыре он поспешно поднимался с дивана и сразу же садился писать. Иногда тема у него была заранее придумана, но, как правило, он изобретал ее только уже сидя за столом. Он никогда не ломал себе голову, о чем будет писать. Мгновение он сидел неподвижно, устремив взгляд на чистый лист бумаги, а потом принимался за дело. Писал быстро, без продолжительных остановок, четким красивым почерком, до шести часов. К этому времени рассказ обычно бывал уже готов, и он спешил с ним в какую-нибудь редакцию, чтобы обменять его на звонкую монету. Гашек предпочитал гонорар наличными, из рук в руки. Он готов был даже идти на определенные потери, чем ждать до выхода журнала, когда гонорар начислялся в соответствии с количеством строк.

Почти импровизационный способ работы не умалял качества произведений Гашека. И все же поспешность, вечная гонка сказывались на форме и стиле, потому что писать сразу начисто, без предварительной

подготовки, не мог себе позволить даже такой гениальный юморист, каким был Ярослав Гашек. Дописав рассказ, он всегда читал его мне и выслушивал мое мнение. Читал он с выражением, оттеняя мимикой комические ситуации, и при этом сам весело смеялся своим остроумным выдумкам. Создавая юморески, Гашек всегда умел справиться с запутанной интригой и только один раз обратился ко мне за помощью. Героиня рассказа, некая лавочница, впуталась со своими покупателями в какую-то историю, и Гашек не знал, как ей выйти из положения. Он спросил меня, что бы я посоветовал лавочнице, но я в тот момент не был расположен для подобных товарищеских услуг. У меня тогда что-то не клеилось, я сам не знал, как мне быть. И я буркнул Гашеку — пусть его лавочница отколотит своих покупателей и не пристает к порядочным людям. Гашек поблагодарил меня и закончил юмореску в точном соответствии с подсказкой.

Время от времени мы с Гашеком ходили в кино. Особенно нам нравились два кинематографа: на Фердинандовом проспекте и на Ечной улице в доме «У четырнадцати заступников». Первый мы любили из-за того, что там невероятно фальшиво играл оркестр, настолько фальшиво, что это смешило даже Гашека. Мы садились в конце зала, где-нибудь в ложе, и в самых трагических местах, когда оркестр звучал особенно фальшиво, корчились от смеха. Однажды, когда на экране дочь старосты шла топиться в реке, оркестр проводил ее в последний путь бодрым маршем. Наверное, они ошиблись. А в «Четырнадцати заступниках» нас привлекала необычная публика. Там демонстрировали только старые ленты, иногда настолько стершиеся, что едва можно было различить происходящее, и все же публика была довольна и подчас даже слишком бурно реагировала на фильм. Так, во время одной сцены, когда озверевший бандит намеревался бросить в огонь ребенка, посреди зала вскочил юноша, грозя бандиту кулаком, и исступленно закричал: «Ты что, мерзавец, делаешь!» А в другой раз, когда из глубин экрана прямо на зрителей вылетел поезд, публика в первых рядах попрятала головы чуть ли не под сиденья, и женщины испуганно завизжали...

Кинематограф часто посещали извозчики с находящейся неподалеку Малой Штепаньской улицы, где у них были конюшни. Стоя в конце зала за стульями, они шумно реагировали на происходящее, громко выражая свое восхищение или неудовольствие. Если на экране показывалась старая пролетка, они хохотали и покрикивали:

«Но, привет! Симпатичная у тебя калоша!» А если им что-нибудь особенно нравилось, кричали механику:

«Руда, вот здорово! Будь добр, прокрути еще разок!»

Как-то раз, когда Гашек работал в «Мире животных», мы с ним встречали новый год в ресторане. Я намалевал Гашеку чернильным карандашом огромные лиловые усы. Вид у Гашека был ужасный, он смахивал на татарского хана. Под утро я был уже сыт по горло всевозможными новогодними затеями и стал уговаривать Гашека пойти ко мне выспаться. Но он отказался, сославшись на то, что у него на новый год дела в редакции: он должен вручить трем подписчикам

«Мира животных» новогодние премии. «Мир животных» был естественнонаучным журналом, поэтому и премии носили практический характер: охотничье ружье, велосипед и кофейная мельница. На новый год счастливцам предстояло лично получить подарки прямо на квартире Гашека, которая была в то же время и редакцией, причем в обязанности Гашека входило поздравить их с новым годом и призвать впредь на долгие годы оставаться верными подписчиками «Мира животных». Поэтому Гашек должен был вернуться домой. Его шеф Л. Гаек уехал с супругой на праздники в Домажлицы, и вся квартира была в распоряжении Гашека. Мы неплохо отдохнули в спальне шефа и встали бодрыми и веселыми. Из запасов хозяина мы приготовили себе великолепный завтрак, хотя и столкнулись при этом с трудностями. Гаек жил в старом доме, и кладовка у него находилась в самом конце длинной галереи. Гашек, однако, нашел выход из положения: он ездил за припасами от плиты к кладовке на премиальном велосипеде, причем так удачно, что ни разу не свалился во двор. Ну а кофе мы, разумеется, мололи на мельнице, предназначенной для подписчика. Около десяти кто-то позвонил.

«Это, конечно, за первой премией!» — воскликнул Гашек. Он схватил охотничье ружье и побежал навстречу счастливчику. Я последовал за ним, чтобы в роли шефа присоединиться к трогательным поздравлениям, но до меня, к сожалению, очередь уже не дошла. За дверьми вместо статного охотника оказалась пожилая женщина. Едва завидев Гашека, она в ужасе завопила и сломя голову ринулась вниз по лестнице.

«Мадам, для вас приготовлена кофейная мельница!» — отчаянно кричал Гашек, но ее уже и след простыл.

«Сумасшедшая баба!» — сказал в сердцах Гашек. «Испугаться ружья, а ведь могла получить подарок! И как трогательно все могло быть: ты произносишь речь, да такую, что дама слезы утирает, а я под конец пальнул бы разок из ружья! Черт бы побрал эту дуру!» Огорченный, я глянул на приятеля и громко расхохотался:

«Еще бы, голубчик, ты кого угодно напугаешь, не то что женщину! Ведь у тебя намалеваны усы! Похож на черта, да еще с ружьем!»

Вряд ли кто-нибудь из тех, кто мало знал Гашека, поверил бы, что он очень любил природу и часто с наслаждением совершал продолжительные прогулки. Я думаю, он поступал так из внутренней потребности обновить душу, созерцая поля со зреющими хлебами, деревни, свежую зелень лесов. Мы ехали поездом до Черношиц, Хухле или Радотина или же пароходиком на Збраслав и вниз по реке до Клецан. Затем бродили по тропинкам среди полей и лесов, наслаждаясь природой, одиночеством — иногда мы почти теряли друг друга из виду. Гашек подмечал любую мелочь, во всем открывая массу забавных подробностей. Его веселил домишко с мансардой, крытой ослепительно красной черепицей, в то время как остальная часть крыши была из гнилой соломы. И правда, вид был такой, словно оборванный бродяга нацепил пестрый галстук со сверкающей булавкой. Гашек умел увидеть живописный дом, группу деревьев. Он умел дать меткую характеристику и людям, которых мы встречали. Эти загородные прогулки были источником

тех наблюдений и знаний, которые он, городской человек, с таким успехом использовал, изображая деревенскую жизнь. Во время прогулок мы разговаривали мало, лишь изредка перекидывались каким-нибудь замечанием. О том, каким находчиво-остроумным умел быть Гашек, свидетельствует следующий небольшой эпизод: мы спускались к Влтаве по небольшой, но необычайно привлекательной долине у Збраслави. Тропинка вилась по узкой ложбинке среди зарослей ольхи и ивняка, то и дело пересекая ручейки с прозрачной водой. По бокам поднимались склоны, поросшие высокими деревьями и кустарником. Приблизительно в середине пути мы внезапно услышали удары топора по сухому дереву. Какой-то крестьянин рубил дерево, и веселая выдумка Гашека обратила вора в паническое бегство. Неожиданно Гашек закричал, словно я был где-то еще далеко позади: «Мы уже почти пришли, пан вахмистр!» Потом мы замерли, и слышно было, как парень, ломая кусты, поспешно карабкается вверх по склону.

Тем, кто видел в Гашеке лишь ленивого толстяка, трудно было поверить, что он охотно совершал продолжительные пешие переходы даже под палящими лучами летнего солнца. Гашек немало так попутешествовал с З. М. Кудеем, и приключения, которые они пережили во время этих прогулок, Кудей описал в своей юмористической книге «Вдвоем веселее скитаться». Путешествуя, они время от времени посылали мне поздравительные открытки приблизительно следующего содержания: «Чтоб тебе кости переломали!» Однажды они добрались до самых Рокицан, откуда послали мне письмо с сообщением, что готовятся осадить с двух сторон непокорный Пльзень. Я понял, что они собираются нагрянуть врасплох к приятелю Пеланту, редактору пльзеньского «Смнера», и стребовать с него контрибуцию на путевые расходы. Однако они потерпели фиаско. Очевидно, Пелант ничего им не дал, иначе они не прислали бы унылой открытки: «От Пльзени нас постыдно отбили, в смятении отступаем к Рокицанам!»

Гашек не страшился даже очень больших пеших переходов. Рано утром в памятное воскресенье на св. Петра и Павла в 1914 году он предложил отправиться поездом до Кладно, а оттуда пешком до Бероуна. Когда Гашек предлагал что-либо подобное, меня не приходилось упрашивать. Сначала мы доехали до Кладно, где Гашек зашел к какому-то жандармскому вахмистру, занимающемуся разведением овчарок. А потом двинулись на запад вдоль Ноузова к речке Качак. Подкрепившись в трактирчике в Подкози, в самый разгар жары мы спустились к Качаку и, обогнув мельницу, пошли вниз по течению. Мы направились через Сваров и Драгельчицы к Душникам; слева и справа простирались поля колосящихся хлебов. Гашек по пути прилежно припоминал названия полевых цветов, а я декламировал какие-то стишки о голубых далях, манящих странника и в конце концов навсегда завлекающих его. Мы оба были поэтически настроены, однако жители Драгельчиц этого не ощутили. Сидя целыми семьями на завалинках, бревнах, крылечках, они поглядывали на нас с презрением, какое ощущает оседлый человек по отношению к людям, без толку шляющимся по свету. С их точки зрения, мы не много стоили. Гашек внезапно

окликнул меня по-цыгански, и едва мы чуть отошли, как какой-то крестьянин высунул голову из окна и спросил у сидящих: «Кто это?» Послышался угрюмый ответ: «Ходят тут какие-то ворюги и ругаются!»

Как-то раз в самом начале мировой войны мы обедали в ресторанчике на улице Каролины Светлой. В супе плавало так мало риса, что можно было пересчитать крупинки, и когда Гашек обнаружил, что у него одним зернышком меньше, чем у меня, он возмутился и заявил, что отныне мы будем сами готовить дома. На обратном пути мы накупили «У Мартина» дешевой кухонной посуды, сковородок, кастрюль — Гашек пожелал, чтобы мы, как девицы на выданье, были обеспечены всякой домашней утварью.

Из карманов у нас торчали половники и шумовки, и в таком виде мы шествовали по проспекту Фердинанда в самое оживленное время дня. По пути мы продолжали делать покупки: мозги — бах в кастрюльку! картошку — туда же за мозгами! — дома мы все как следует вымоем и рассортируем. В конце концов мы приобрели все необходимое для домашнего хозяйства. Не было позабыто даже традиционное кухонное полотенце с вышивкой:

Кто меня кухарке дарит —
Тому она печет и жарит!

Однако Гашек был неудовлетворен стихами на полотенце. Он ворчал, что смысл у них слишком неопределенный и что для большей выразительности их надо как-нибудь скомбинировать с поговоркой — «Не корми скотину водой, а корми травой!» Еще мы зашли к угольщику и заказали уголь и дрова. Хотя я и сомневался в поварском искусстве Гашека, все же охотно принимал участие в расходах. Меня от души веселили сценки, разыгрывавшиеся повсюду во время наших покупок. Однако коекакие из действий Гашека убедили меня, что он, по-видимому, хоть немного умеет готовить. Дома Гашек внимательно осмотрел плиту. Дымоход был засорен, и Гашек объявил, что его нужно хорошенько прочистить. Я хотел сбегать за печником или хотя бы за дворничихой, но Гашек не позволил — ведь каждый повар знает, во всяком случае, должен знать, как прочистить плиту. Тут же он взялся за эту неприятную работу. Я ожидал, что по примеру всех трубочистов он вынет кирпич или хотя бы выдвинет заслонку в трубе, но Гашек только улыбнулся, услышав о таком вздоре, и пообещал продемонстрировать нечто современное и в высшей степени действенное. Признаюсь, я умирал от любопытства. Гашек набил плиту бумагой, плеснул туда керосином и для пущего эффекта сунул еще несколько патронов, а потом поджег. Средство действительно оказалось эффективным, но не в том плане, в каком ожидал Гашек. Вместо того, чтобы поджечь сажу в трубе, пламя вырвалось наружу, дверцу у плиты сорвало. Она просвистела у самой головы Гашека, и это настолько охладило его пыл, что он послал меня за печником. Гашек намеревался еще в тот же самый вечер отведать ужин домашнего приготовления. Не помню уж, что Гашек сварил, но все было очень вкусным, таким вкусным, что после первой ложки я проникся огромным уважением к его поварскому искусству. Гашек действительно умел великолепно гото-

вить! Гарниром были кнедлики, которые Гашек замесил на одной из моих старых чертежных досок. Само собою разумеется, предварительно он протер ее своей полой и проверил на ощупь, — не торчит ли где-нибудь щепка. Доска сохранилась у меня до сих пор, но все остатки теста я уже поотколупывал с нее на память гашековским поклонницам.

В тот раз мы так объелись нашим первым домашним ужином, что едва могли дышать и свалились прямо на пол у стола. Выспавшись, мы отправились в пивную. Гашек не поскупился на острые приправы к кушаньям — поэтому и пиво показалось на редкость вкусным. Задерживаться мы не стали. К моему удивлению, Гашек сам потребовал пораньше вернуться домой, извинившись перед приятелями, что ему завтра надо пораньше подняться с постели. Приятели, полагая, что Гашек опять состоит в какой-нибудь редакции, при которой имеется псарня, посоветовали ему не задерживаться — к полудню всех хороших собак уже разбирают. По пути домой Гашек доверительно сообщил мне, что настоящий повар ходит за покупками только рано утром, иначе ничего хорошего не достанется. Утром он и в самом деле довольно рано отправился за покупками. Как я позднее убедился, он столь рассудительно осуществлял свою миссию, что снискал немалое уважение у женщин, и вскоре его повсюду уже величали: «пан чиновник!» «Какое счастье иметь такого мужа!»—завистливо говорили женщины. «Ну, его жена может всласть поспать, муженек ей все принесет прямо под нос!» Тратя сущие пустяки, мы жили как боги. Гашек умел готовить затейливые кушанья, о каких я до того даже не слышал. Супы у него — даже самые обыкновенные — были пальчики оближешь! Однажды он сварил на ужин картофельный суп, от него по всему дому разнесся такой восхитительный аромат, что его почувствовала даже дворничиха на первом этаже. Вообразив, будто мы сварили кролика, она мигом объявилась у нас и попросила, чтобы мы и ее угостили! У некоторых особо тонких супов были даже свои названия, как у роз или редких фруктов — так они и обозначались в меню, которое неизменно около полудня вывешивалось в прихожей на дверях ванной. В нем сообщалось, что на обед будет суп «Мадемуазель Нитуш», «Пренк Биб Дода», «Мадам Помпадур» или «Приматор Дитрих»! «Приматор Дитрих», например, представлял собой комбинацию двух различных супов — капустного и мозгового. Каждый из них приготовлялся отдельно, и только перед едой, чтобы сохранить вкус обоих, они смешивались. Для этого нужно было великое умение и немалый опыт, а главное, смелость, так что я не советую ни одной из молодых хозяек делать подобные эксперименты. Каждое утро Гашек входил ко мне в комнату и объявлял, что будет на обед, а потом вывешивал еще и меню. Оно предназначалось для посетителей, чтобы всякий, кто случайно забрел в наш дом, мог убедиться, на какой высоте стоит у нас кулинарное искусство.

В один прекрасный день Гашек провозгласил, что на обед будет суп «Мадам Ниель» и молочная рисовая каша. Эта каша, пожалуй, единственное блюдо, которого я терпеть не могу. Я и ответил Гашеку, что не хочу рисовой каши. Он не сказал ни «да», ни «нет» — повернулся и

ушел. Я обрадовался — раз он даже не обругал меня, наверное, приготовит что-нибудь повкуснее каши. Однако в тот день я так и не дождался возвращения Гашека. Я понял, что обидел его, отвергнув блюдо, и решил утром извиниться. Но Гашек не пришел ни на второй, ни на третий, ни даже на четвертый день, и я уже было подумал, что какая-нибудь богатая дама, живущая по соседству, уговорила его пойти к ней поваром. Только через неделю, приблизительно в то же самое время, когда он ушел, дверь в мою комнату приоткрылась, Гашек просунул голову и сухо спросил: «Ну так что? Ты будешь жрать кашу или нет?!» Разумеется, я тут же с радостью согласился — не терять же из-за одного нелюбимого блюда возможность так вкусно питаться. Все кушанья Гашек приготавливал легко, как-то незаметно, и только однажды ему не удались кнедлики со сливами. Гашек, видимо, принес из лавки скверную муку, и кнедлики никак не удавалось завернуть. Как мы оба с ними ни бились—тесто стягивалось, и сливы, словно в издевку, вываливались наружу. Гашек со злости даже швырнул тесто на пол, но и это не помогло. Тут мне в голову пришла великолепная идея: мы плотно прижали друг к другу края теста и просто сшили их ниткой, а потом, сварив кнедлики, выдернули ее. Способ оказался весьма практичным. Потом я всегда страшно сердился, если какая-нибудь хозяйка мне не верила, когда я рассказывал эту историю.

Так мы славно жили до тех пор, пока Гашек не был призван в 91-й полк в Будейовицы. В тот вечер он вернулся из призывной комиссии в сквернейшем настроении и едва ответил на мое приветствие, когда я ему открыл. Потом, не замечая меня, прошел прямо к себе. На все настойчивые расспросы, чем окончилось дело в призывной комиссии, он, наконец, пренебрежительно ответил, что не собирается разговаривать с каждым неумытым штатским, и заперся на кухне. Там он, немилосердно фальшивя, стал распевать солдатские песни. С той поры он обращался со мною как с неполноценной личностью, а не как с хозяином квартиры. Вскоре он съехал и до своего поступления в полк уже больше не жил у меня...

ИЗ СТАТЬИ «КАК Я ИЛЛЮСТРИРОВАЛ ШВЕЙКА»

Я не видел Гашека с 1915 по 1921 год, когда он после возвращения из России навестил меня. Его поведение почти не изменилось. Он по-прежнему был полон юмора, и мне казалось, что, несмотря на шесть лет разлуки, он все тот же старый друг Гашек.

Ярослав Гашек начал писать «Похождения бравого солдата Швейка» еще перед первой мировой войной. Он напечатал их в «Карикатурах» и «Добра Копа», а позднее в книгах с другими своими рассказами в издательстве Гейды и Тучка. В 1922 году Гашек посетил меня в моей квартире и попросил нарисовать обложку для издаваемых в виде брошюры «Похождений бравого солдата Швейка во время мировой войны». Я начал работу. В основу образа Швейка я взял не какое-нибудь определенное лицо, а использовал описания, сделанные Гашеком в романе. Я нари-

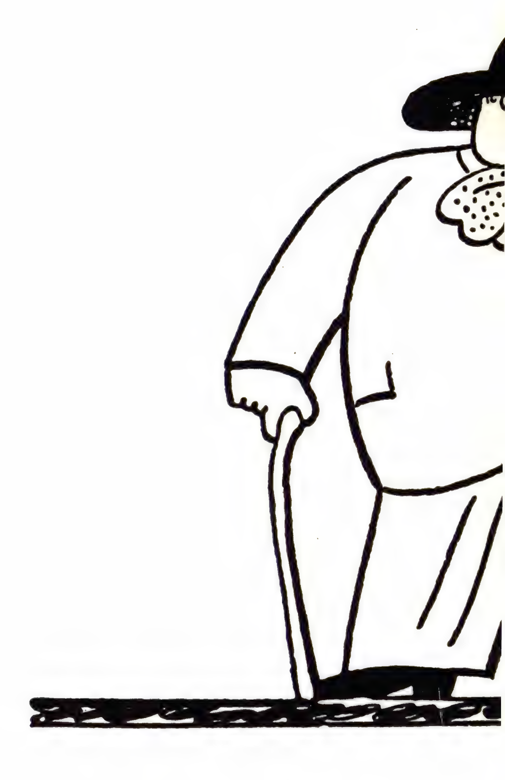
совал Швейка, раскуривающим трубку под летящими пулями, среди рвущихся гранат и шрапнели. Добродушное лицо, спокойное выражение, по которому видно, что он себе на уме, но в случае необходимости сумеет прикинуться дурачком. Эту обложку я принес в условленный день в погребок «У Могельских». Она очень понравилась Гашеку и Ф. Сауэру. Гашек, поразмыслив, обещал мне гонорар в 200 крон. Ф. Сауэру этого показалось мало, и он повысил вознаграждение до 500 крон. Гашек, помолчав, закончил дискуссию о гонораре, сильно стукнув кулаком по столу и заявив, что я получу 1000 крон. Однако пока что мне пришлось уплатить по счету за обоих. Обложку отпечатали, а о гонораре ни слуху ни духу. Но я на него не очень и рассчитывал. А когда уже совсем о нем забыл, от Ф. Сауэра, имевшего магазин белья, пришел ученик и принес мне несколько пар нижнего белья и носки, сообщив, что шеф (Ф. Сауэр) посылает мне гонорар за обложку и просит передать, что не мог послать его раньше потому, что обанкротился.

В 1924 году, уже после смерти Гашека, я, сотрудничая в «Чешскем слове», начал печатать в воскресном приложении «Похождения Швейка». Для каждого номера я делал по шесть черных рисунков, под которыми помещал приспособленный мною для этой цели краткий текст Гашека. В общем вышло что-то около 500 рисунков. По собственным представлениям и по описаниям Я. Гашека я создал образы и остальных героев его романа. Могу сказать, что «Швейк», опубликованный с моими иллюстрациями в «Чешскем слове», стал очень популярен и вскоре после этого был выпущен издательством А. Сынка отдельной книгой с иллюстрациями. Иллюстрации были заимствованы из приложений к газете. Однако я не был полностью удовлетворен образом Швейка. Я усовершенствовал его, и при третьем издании он принял тот вид, в котором существует и поныне.

Мне давно хотелось сделать к «Похождениям Швейка» цветные иллюстрации. Я понимал, что не могу изменить типы отдельных героев, так как с ними свыклись читатели, да и мне самому они нравились. По этим причинам я сохранил их в цветных иллюстрациях, и в моем представлении они выглядели так: поручик Лукаш — типичный австрийский обер-лейтенант, щеголь, довольно снисходительно относившийся к проделкам Швейка и приходивший в ужас, только если Швейк перехватывал через край; подпоручик Дуб — формалист, воображающий, что имеет дело с непослушными школьниками, а не со взрослыми людьми, злобный, ехидный, карьерист, вспыльчивый; пани Мюллерова — старая, сухая, приносит Швейку самые последние новости; она чтит и уважает своего благодетеля, за которого готова отдать душу; трактирщик Паливец — невоспитанный, грубоватый, но не плохой человек, не уважающий монархию и не терпящий политики в своем трактире; Бретшнейдер — типичный шпик и доносчик, постоянно подстерегающий добычу, провокатор, но неудачник; Балоун — обжора, единственный его идеал — хорошая еда, его не пугает даже телесное наказание за лакомый кусочек. Физически сильный, но слабый духом человек, полковой ксёндз Кац — католический фельдкурат, но по происхождению еврей, большой хитрец и распутник; старший писарь Ванек — фигура, презираемая в армии,

мелкий воришка, думающий лишь о себе; вольноопределяющийся Марек — толстый, неунывающий шутник, не уважающий начальства. Его военная служба проходит преимущественно на гауптвахте, а не в казармах и на учениях; кадет Биглер — глуповат, но карьерист, пробивающийся в начальство, заносчив с подчиненными, трус. Остальные персонажи — типичны для австрийской армии.

Уверен, что портреты всех главных действующих лиц я нарисовал в соответствии с тем представлением о них, которое было у Ярослава Гашека, когда он писал свой роман. Жаль, что друг Гашек не дожил до выхода иллюстрированного Швейка; он был бы, конечно, самым лучшим и самым строгим критиком. И я верю, что он остался бы доволен моими иллюстрациями. Ими я плачу ему долг за его сегодня уже всемирно известный юмористический роман.

БИБЛИОГРАФИЯ

Верейский О. Г. В гостях у Лады. «Иностранная литература», 1955, № 6.

Верейский О. Йозеф Лада. «Иностранная литература», 1958, № 5.

Востокова С. Второй отец Швейка. «Огонек», 1962, № 50.

Востокова С. Йозеф Лада и Йозеф Швейк. «Огонек», 1967, № 51.

Георгиевская Е. Йозеф Лада. «Искусство», 1958, № 4.

Полевой Б. В гостях у Лады. «Огонек», 1956, № 33.

Ladova A. Muj tata Josef Lada. Praha. 1963.

Lada J. Souborná výstava k sedmdesátým narozeninam. Praha, 1957.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В ТЕКСТЕ

В АЛЬБОМЕ

5. Мельник и его дочь. Журнал «Копршивы». 1916.
6. Обложка к книге Э. Шкатула «Война на Балканах». 1913.
7. Обложка к книге И. Градецкого «Семья Шпачека Перчивы». 1918.
8. Поэзия и проза. Журнал «Квитек...». 1929.
9. Обложка к книге Э. Шпатны «Чешский антимилитаризм». 1922.
10. Иллюстрация к книге К. Эрбена «Волчья свадьба». 1919.
11. Иллюстрация к книге Й. Лады «Мир животных». 1919.
12. Бондарь. Иллюстрация к книге «Каламайка» (одно из переизданий).
13. Иллюстрация к книге «Моя азбука» (одно из переизданий).

14 — 15. *Иллюстрации к сборнику К. Эрбена «Народные считалки». 1921.*

14. Кошки.
15. «Дяденька Нимра...»
16. Возница и священник.
17. Иллюстрация к «12 сказкам с того света» В. Ржиги. 1921.
18. Обложка к книге сказок Й. Кубина. 1921.

19 — 20. *Иллюстрации к книге сказок Й. Кубина. 1921.*

19. Потерявшийся мальчик.
20. Быстроглазый, длинноногий и толстый.

21 — 25. *Иллюстрации к книге Й. Лады «Веселое природоведение». 1925.*

21. Корабль пустыни.
22. Олень-лыжник.
23. Удильщик подледного лова.
24. Змеиный писарь.
25. Заяц-воришка.

26 — 28. *Иллюстрации к сборнику сказок Б. Немцовой. 1926.*

26. Лесная фея.
27. Пряничный домик.
28. Семь воронов.

29 — 30. *Иллюстрации к «Сказке о золотой мушке». 1928.*

31. Иллюстрация к сборнику Й. Лады «Стишки нашего Кадла». 1928.

32 — 37. *Иллюстрации к сборнику Й. Лады «Веселые картинки». 1929.*

32. Снежная баба.
33. На санках.
34. Волчок.
35. Запруда.
36. Ловля раков.
37. На качелях.

38 — 39. *Иллюстрации к сборнику Й. Лады «Кряканье нашей утки». 1932.*

38. Змея.
39. Коза.

40 — 45. *Иллюстрации к сборнику басен Эзопа. 1931.*

40. Муравей и кузнечик.
41. Лягушка и бык.
42. Собака и петух.
43. Лягушка и мышь.
44. Осел и щенок.
45. Лиса и журавль.
46. Обложка к сказке Й. Лады «О хитрой куме-лисе». 1937.
47. Обложка к сборнику сказок Й. Горака «Чешский Гонза». 1951.

48 — 50. *Иллюстрации к сборнику сказок Й. Горака «Чешский Гонза».*

48. Продажа груш.
49. Златоглавый Гонзичек.
50. На летящем коне.
51. Форзац к сборнику Й. Лады «Йозеф Лада — детям». 1956.
52. Обложка к сборнику Й. Лады «Озорные сказки». 1946.

53 — 54. *Иллюстрации к сборнику «Озорные сказки».*

53. Храбрая принцесса.
54. Волшебное яблочко.

55 — 56. *Иллюстрации к сборнику Й. Лады «Кукадла». 1946.*

55. Конь.
56. Колбаса.
57. Обложка к сборнику «Считалки». (Одно из переизданий).
58. Иллюстрация к сборнику Й. Лады «Стишки нашего Кадла». 1928.
59. Автопортрет Й. Лады. 1926.
60. Обложка к книге Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». 1926.

61 — 71. *Иллюстрации к книге Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». 1955.*

61. Фельдкурат Кац.
62. Поручик Лукаш.
63. Полковник Шредер.
64. Солдат Балоун.
65. Вольноопределяющийся Марек.
66. Кадет Биглер.
67. Подпоручик Дуб.
68. Капитан Сагнер.
69. На границе.
70. Швейк и пани Мюллерова.
71. Венгерские солдаты ведут Швейка.
72. Обложка к сборнику новелл Я. Гашека «Гид для иностранцев». 1925.
73. Вечеринка в корчме. Рисунок, подцвеченный акварелью. 1924.
74. За пивом. Рисунок, подцвеченный акварелью. 1932.
75. Свежевание туши. Рисунок подцвеченный. 1935.

76. Зимние радости. Рисунок, подцвеченный акварелью. 1935.
77. Ночной сторож. Рисунок, подцвеченный акварелью. 1938.
78. Осень. Рисунок, подцвеченный акварелью и гуашью. 1940.
79. Весна. Рисунок, подцвеченный акварелью и гуашью. 1944.
80. Зима. Гуашь. 1951.
81. Лето. Гуашь. 1951.
82. Майская ночь. Гуашь. 1944.
83. Весна в Грусицах. Рисунок, подцвеченный акварелью и гуашью. 1946.
84. Девочка, пасущая гусей. Рисунок, подцвеченный акварелью и гуашью. 1946.
85. Три волхва. Гуашь. 1948.
86. Коляда. Гуашь. 1947.
87. Перед грозой. Гуашь. 1948.
88. Рождественской ночью. Гуашь. 1948.
89. Зимою в полночь. Гуашь. 1951.
90. «Черт и Кача». Рисунок для мультипликационного фильма.
91. Времена года. Зима и весна. Рисунок, подцвеченный акварелью. 1947.
92. Времена года. Весна. Рисунок, подцвеченный акварелью.
93. Времена года. Лето. Рисунок, подцвеченный акварелью. 1947.
94. Времена года. Зима и осень. Рисунок, подцвеченный акварелью.

СОДЕРЖАНИЕ

7И / Л15

Йозеф Лада

8-1-2 / 227—71

КНИГА О ХУДОЖНИКЕ

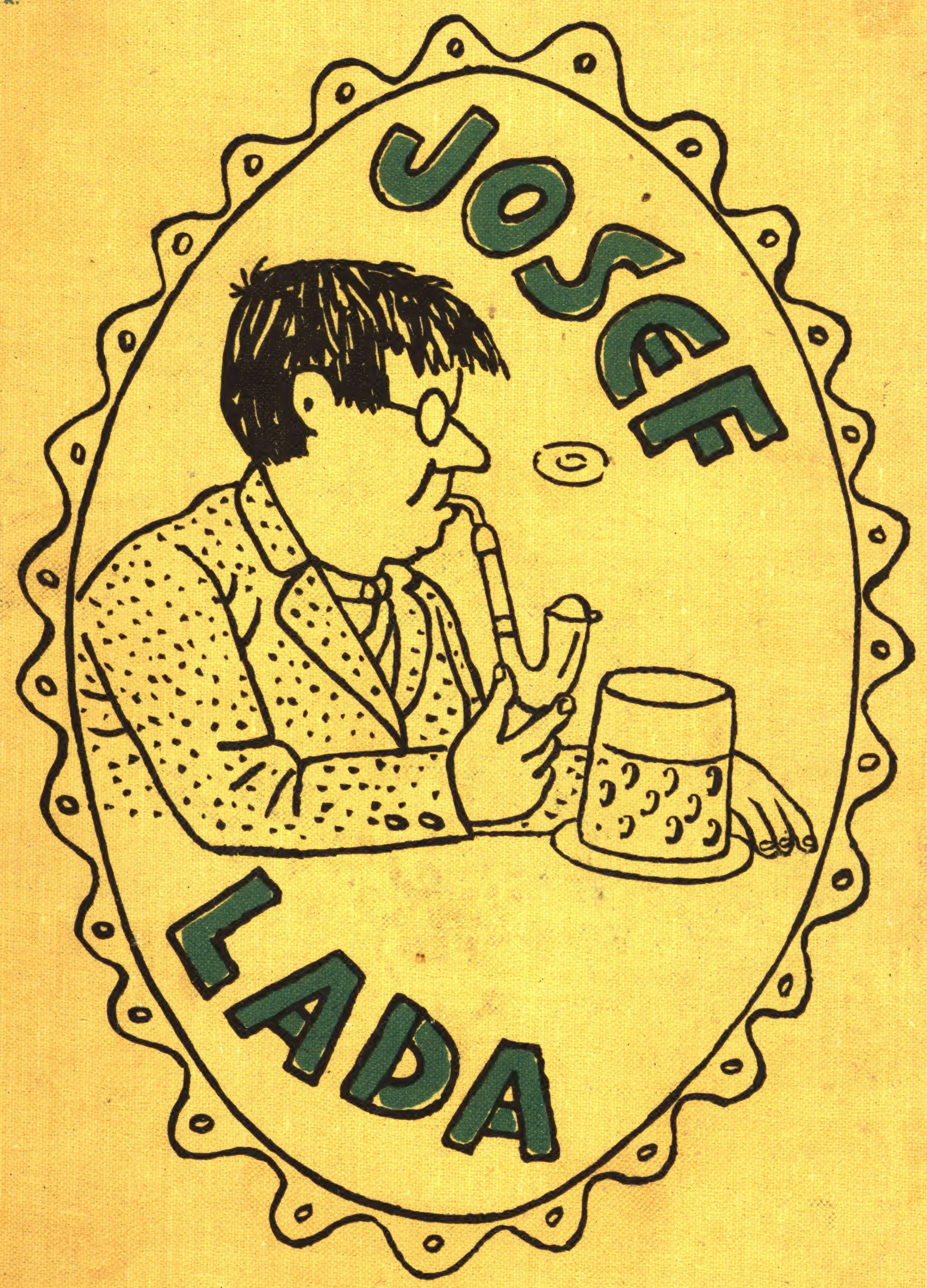
Редактор М. Дмитренко. Художник Г. Ковенчук. Художественный редактор Я. Окунь. Технический редактор И. Тихонова. Корректор Н. Кругер. Сдано в набор 2/XII-1970 г. Подписано к печати 22/VII-1971 г. Формат 70×90 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,12. Уч.-изд. л. 9,94. Тираж 25000 экз. М-11075. Изд. № 27. Заказ тип. № 3686. Издательство «Искусство». Ленинградское отделение. Ленинград, Невский, 28. Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ленинград, Кронверкская ул., 7. Цена 1 р. 58 к.

1 р. 58 к.

ЙОЗЕФ ЛАДА